

★ Виталий МАЛЬКОВ ★

В ПЕКЛЕ ОГНЕННОЙ ДУГИ

Война. Штрафбат. Они сражались за Родину

Виталий Мальков

В пекле огненной дуги

«Яуза»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мальков В. О.

В пекле огненной дуги / В. О. Мальков — «Яуза»,
2018 — (Война. Штрафбат. Они сражались за Родину)

ISBN 978-5-6040911-6-6

Роман основан на реальных событиях. В центре сюжета – судьбы двух пограничников: лейтенанта Александра Романцова и рядового Семёна Золотарёва. У каждого из них за плечами служба на непростом участке границы; у одного – в Восточном Казахстане, а у другого – на Памире. Но теперь оба оказались в Среднеазиатской дивизии Отдельной армии войск НКВД, воюющей в составе Центрального фронта... 15 июля 1943 года на Курской дуге начинается наступление советских войск. Взводу лейтенанта Романцова, в котором осталось всего 18 человек, приказано прикрывать открытый фланг батальона, наступающего на деревню Самодуровка. Немцы пытаются обойти наши войска и нанести удар с тыла, но на их пути встают пограничники. Начинается неравный бой...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-6040911-6-6

© Мальков В. О., 2018
© Яуза, 2018

Содержание

От автора	5
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Они сражались за Родину!

Виталий Мальков

В пекле огненной дуги

Посвящается воинам 70-й армии, павшим на Курской дуге в 1943-м...

От автора

Я долго не решался взяться за тему, связанную с Великой Отечественной войной, так как считал, что не имею на это право, поскольку сам не воевал. Ведь писать о войне это значит брать на себя большую ответственность. Читатель сразу почувствует фальшь, если автор не сумеет правдиво передать на бумаге весь ужас и трагизм такого страшного явления, как война. Очень непросто показать и психологию человека на войне, тем более если автор сам не испытал чего-то подобного.

Но так вышло, что в июне 2015 года мне довелось побывать в Сирийской Арабской Республике, где уже пятый год шла война. Наша делегация от Союза писателей России, состоявшая из четырёх человек, пробыла там неделю. И хотя мы не участвовали в боевых действиях и не попадали под обстрелы, всё же, так или иначе, ощущали близкое присутствие войны и видели её ужасные последствия.

После этой поездки я почувствовал, что в какой-то мере готов написать о Великой Отечественной...

Осенью того же года я случайно натолкнулся в Интернете на информацию о подвиге взвода лейтенанта Александра Романовского, совершённом в июле 1943 года на северном фесе Курской дуги. Эта история заинтересовала меня, и я, после долгих сомнений, всё же решил начать работу над книгой, посвящённой этому подвигу. Так возник замысел романа «В пекле Огненной дуги».

Вдохновляли меня на написание два обстоятельства. Во-первых, один из бойцов взвода был уроженцем села Сухосолотино, которое ныне находится в Ивнянском районе Белгородской области. Этот факт имел большое значение на областном уровне, так как белгородцы должны знать о подвиге своего земляка.

Во-вторых, взвод Романовского воевал в составе 70-й армии, которая создавалась из пограничников и войск НКВД. А поскольку на сотрудников Народного комиссариата внутренних дел в последние десятилетия было вылито чрезмерное количество грязи, мне захотелось хоть как-то отбелить их имя и вступить за тех, кто добросовестно служил в этом ведомстве, ничем не запятнав свою честь. Ведь войска НКВД в годы Великой Отечественной войны тоже героически сражались с немецко-фашистскими захватчиками.

Так, например, в состав гарнизона Брестской крепости входил 132-й отдельный батальон конвойных войск НКВД. На стене подвального помещения кольцевой казармы, которую обороняли бойцы батальона, была оставлена чья-то красноречивая надпись:

«Я умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина. 20/VII-41»

Уже в июне-июле 1941 года из личного состава войск НКВД были сформированы и отправлены на фронт 15 стрелковых и механизированных дивизий. А в октябре 1942 года, на основании Постановления ГКО СССР № 2411сс, началось формирование Отдельной армии войск НКВД, состоящей из шести стрелковых дивизий. Директивой Ставки ВГК № 46052 от 5 февраля 1943 года Отдельная армия войск НКВД была переименована в 70-ю армию и вошла в состав Центрального фронта. Она мужественно сражалась на северном фланге Курской дуги. На первом, оборонительном, этапе битвы особенно проявила себя 140-я Сибирская стрелковая дивизия, созданная из внутренних войск. Приняв на себя часть основного удара немецких дивизий, наступавших на Курск с севера, она понесла тяжёлые потери.

Герои моего романа служили в 162-й Среднеазиатской стрелковой дивизии, которую сформировали на базе Казахского и Среднеазиатского пограничных округов. В первые дни Курской битвы дивизия в бой не вступала, находясь во втором эшелоне обороны. Затем, 10–11 июня, она встретила врага на так называемом Ольховатском хребте – на высотах возле села Молотичи. С 15 июля дивизия перешла в наступление в направлении села Самодуровка, где и произошёл тот самый бой, о котором я решил написать...

Немалую помощь в работе над романом оказал мне бывший белгородский спецкор газеты «Граница России», подполковник Пограничной службы ФСБ России в запасе Виктор Юрьевич Летов. Он предоставил воспоминания бывшего красноармейца Памирского пограничного отряда, подполковника в отставке Свавильного А. Д. «Пограничная служба моя», откуда я взял материал для главы «Памирский рубеж». Также Летов познакомил меня с жителем города Щигры Курской области Владимиром Фёдоровичем Королёвым – руководителем военно-патриотического клуба «Пограничник». Королёв сам когда-то служил на границе, а теперь он активно занимается изучением подвигов советских пограничников в годы Великой Отечественной войны.

Владимир Фёдорович общался и переписывался с ветеранами 70-й армии, собирая по крупицам информацию о событиях, связанных с Курской дугой. Вот имена этих людей: полковник Волошин Алексей Прохорович, ветеран 181-й Сталинградской стрелковой дивизии; полковник Михайлов Николай Иванович, ветеран 102-й Дальневосточной стрелковой дивизии; ветеран 175-й Уральской стрелковой дивизии Рычихин Иван Иванович, воевавший в конце войны на Западной Украине с бандеровцами.

Среди ветеранов оказался и известнейший советский инженер-конструктор, создатель первых планетоходов Кемурджиан Александр Леонович, воевавший в той самой 162-й Среднеазиатской стрелковой дивизии. Именно во многом благодаря ему и стал известен подвиг взвода лейтенанта Романовского.

Королёв начал долгий поиск и, в конце концов, смог установить имена и фамилии всех 18-ти бойцов взвода, сражавшихся у села Самодуровка. Оказалось, что каждый из них был посмертно представлен к званию Героя Советского Союза, но вместо этого все были удостоены Ордена Отечественной войны I степени.

В 2013 году был создан Оргкомитет по увековечиванию подвига пограничников взвода Романовского, прозванных «курскими панфиловцами». Сейчас идёт работа по восстановлению исторической справедливости в отношении погибших. Королёв хочет добиться, чтобы им были посмертно присвоены звания Героев России...

Владимир Фёдорович охотно согласился помогать мне и высылал по Интернету всю имеющуюся у него необходимую для романа информацию, за что ему огромное спасибо.

Ещё одним моим добровольным и ценным помощником стал военный писатель, член Союза писателей России, полковник милиции в отставке Василий Михайлович Журахов, живущий в легендарной Прохоровке. Он давно занимается Великой Отечественной и написал несколько документальных книг о генерале Ватутине и про СМЕРШ. Журахов консультировал

меня по вопросам, касающимся Красной Армии того времени и сельского быта, подсказывал мне разные детали, за что я ему тоже весьма признателен.

Работа над романом оказалась очень напряжённой и заняла больше двух лет, но пути назад уже не было, потому что долг перед погибшими советскими воинами требовал от меня написать это произведение. И вот, постепенно, глава за главой, оно выстроилось от начала до конца.

Мне кажется, всё задуманное более-менее удалось, но судить об этом, конечно же, будет читатель...

Глава 1

Лейтенант Романцов

*На Орловско-Курском направлении
Встали две армады, два врага,
И звенит в преддверье наступления
Курская железная дуга.*

(В. Силкин)

*Я столько раз видала рукопашный,
Раз наяву. И тысячу – во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

(Ю. Друнина)

Шёл третий год великой войны, подобной которой никогда раньше человечество не знало. Третий год русская земля обильно поливалась кровью своих защитников и врагов, стремящихся поработить и низвести живущий здесь народ. Третий год земля содрогалась от грохота разрывов снарядов и бомб. Земля устала от этой страшной, кровопролитной войны, она неистово желала изгнания полчищ захватчиков и наступления мира. Она тосковала по заботливым, мозолистым рукам тружеников и жаждала быть возделанной, чтобы радовать людей щедрыми урожаями пшеницы и ржи, картофеля и сахарной свёклы. Земля измучилась в этом затянувшемся ожидании...

Июль 1943 года выдался в Центральном Черноземье жарким. Короткие морозящие дожди лишь ненадолго снимали эту жару, немного охлаждая перегретую почву. В такую пору хорошо отдыхать где-нибудь на берегу реки или озера, укрывшись от палящего солнца в тени деревьев и пребывая в приятном томлении. Но так вышло, что именно в эти жаркие дни здесь, на юго-западе среднерусской возвышенности, скопились огромные массы людей и боевой техники и разгорелось величайшее сражение, от которого зависел дальнейший исход войны.

В этих русских лесах и полях сошлись в неистовом противостоянии две могучие, миллионные армии, чтобы сокрушать друг друга со всей яростью и лютой ненавистью.

Испытанием на крепость человеческого духа стала эта битва для тех, кто поднялся на защиту своего Отечества. И они стояли насмерть под невиданным по силе натиском фашистской орды и уходили в бессмертие, совершая великий воинский подвиг. Они побеждали страх перед смертью, потому что каждый из них прекрасно понимал – от него тоже зависит будущая победа над врагом. И каждый осознанно принимал решение отдать свою жизнь ради того, чтобы мирно и свободно жили его родные и друзья, все те, кто был ему дорог. Именно мысли об этих людях, прежде всего, помогали солдату или офицеру подниматься в атаку под смертельным огнём, придавали душевных сил и мужества...

15 июля 1943 г., Курская область.

Опять снился Восточный Казахстан... Он ехал верхом на своём вороном Булате по степи. Конь фыркал и прядал ушами, что-то сильно беспокоило его. Рука инстинктивно потянулась

к ремню винтовки и сняла её с плеча. А затем раздался чей-то испуганный, истошный крик, заставивший содрогнуться...

Романцов открыл глаза и с трудом различил перед собой в темноте скуластое лицо рядового Сайфулина.

– Таварыщ лэйтэнант!.. Таварыщ лэйтэнант, праснытэс. – Боец тряс его за плечо.

– Что случилось? – Романцов потянулся и вылез из ниши в окоп, прислушиваясь к окружающим звукам и с неохотой возвращаясь к реальности. Перед его глазами всё ещё стояли горы.

Странно, но, кроме голоса бойца, ничто вблизи не нарушало тишину. Лишь где-то далеко отсюда одиноко тархтел немецкий МГ¹. Эта «Циркулярка Гитлера» строчила не то по какой-то конкретной цели, не то просто так наугад, для остратки, на случай если вдруг кто-то решил подкрасться. А может, немецкий пулемётчик был пьян и таким образом «спускал пар».

– Камандыр роты завет, – доложил Сайфулин.

– Зовёт, говоришь? – Романцов поднял к глазам левую руку, пытаюсь разглядеть циферблат часов.

Хотел было достать из полевой сумки фонарик, но в этот момент, как по заказу, над нейтральной полосой зажглась осветительная ракета, и стало видно две стрелки – часовую и минутную. Половина третьего! Выходило, что ему удалось поспать всего-то два часа с гаком. Негусто, конечно, но, как говорится, выбирать не приходится. На передовой зачастую даже час сна бывает большим подарком. Потому-то главное желание бойца – вдоволь выспаться в тишине, без взрывов и прочих гремящих «аккордов» жуткой и постылой «симфонии войны».

Натянув сапоги, Романцов быстро пошёл по траншее в сторону КНП² командира роты. Чутьё подсказывало, что сегодня больше спать не придётся. Посреди ночи ротный без серьёзного повода вызывать не будет. Скорее всего, предстоит либо очередная передислокация, либо наступление.

«Что ж, пожалуй, второе даже лучше», – решил для себя лейтенант, осторожно переступая через спящих на дне траншеи солдат.

«После десяти дней ожесточённых боёв немец выдохся, и теперь его надо нещадно лупить и гнать отсюда к чёртовой матери. Гнать до границы, а потом и до самого Берлина! Чтобы до скончания веков фрицы запомнили, что такое русская Кузькина мать...»

Свернув из траншеи в ход сообщения, он попал на небольшую площадку, в конце которой висел брезентовый полог, закрывающий вход в блиндаж ротного. По краю полога изнутри пробивалась тонкая полоска света.

– Стой, кто идёт! – тут же встретил его окриком солдат, охранявший КНП.

– Свои, боец. Лейтенант Романцов.

– Здравия желаю! – Часовой пропустил его, и Романцов, откинув полог, пригнувшись, вошёл.

Ротный, капитан Васильев, сидел за столиком, наспех сколоченным из необструганных досок, видно, взятых в ближних дворах, и нервно постукивал пальцами по лежащей перед ним карте. Рядом с картой стоял сделанный из гильзы «сорокапятки» керосиновый светильник, тускло освещавший блиндаж. Также на столе лежала фуражка ротного. Она была такая же как у Романцова – с зелёной тульей и синим околышем, хотя рота относилась к стрелковой дивизии. Но, видимо, Васильев не желал менять эту фуражку на общевойсковую, храня её как память о своём пограничном прошлом. Дивизия создавалась из пограничников, служивших в Средней Азии, и только позже её переименовали в 162-ю стрелковую.

¹ МГ – MG 34 (нем. *Maschinengewehr 34*) – немецкий единый пулемёт.

² К Н П – контрольный наблюдательный пункт.

Лейтенант тоже не расставался с этим атрибутом пограничных войск НКВД, который был дорог и мил его сердцу. Слишком много он пережил за пять лет службы на границе, и теперь избавиться от старой фуражки просто-напросто означало предать пограничное братство и своё прошлое. Да и многие другие воины дивизии поступили точно также.

У стенки, прямо на земляном полу, вповалку спали, посапывая, трое солдат. В воздухе пахло едким табачным дымом, керосином и потом.

Другие два взводных и политрук роты Утенин уже находились здесь и, как и ротный, сидели на ящиках из-под снарядов, сложенных в стопки по три. Ещё одно такое же «сиденье» пустовало.

– Разрешите? – по-уставному спросил Романцов, хорошо зная, что ротный не любит панибратства в ответственные моменты и «на людях», хотя в разговоре один на один на это внимания не обращал – они хорошо знали друг друга ещё по службе на границе.

– Садись, – коротко сказал Васильев, окинув лейтенанта цепким взглядом, от которого не ускользала ни одна мелочь во внешнем виде подчинённых.

Капитан был старше Романцова на год – недавно отметил свой двадцать восьмой день рождения. Среднего роста и обычного телосложения, он обладал рассудительным умом и смелкой и старался беречь солдат. Сам он был родом откуда-то из-под Новосибирска. Храбрость, упрямый характер и щедрая душа выдавали в этом человеке настоящего сибиряка, на которого смело можно положиться в самую трудную минуту. Такие вот надёжные сибирские мужики отстояли Москву в ноябре-декабре 1941-го. В марте, в боях на Севском направлении, Васильев не раз подымал роту в атаку, первым устремляясь на врага.

Романцов снял с головы фуражку и присел на пустые снарядные ящики. Кто-то из спящих всхрапнул и перевернулся на другой бок.

– Значит, довожу до вас задачу, которая стоит перед нашим батальоном, – без всяких предисловий начал Васильев. – В четыре часа утра мы начинаем наступление, прорываем немецкую оборону и атакуем Самодуровку, – ротный указал карандашом нужную точку на карте, – выбиваем противника из занимаемой им восточной части села и, закрепившись там, ждём подхода основных сил полка. Наша рота, понятное дело, наступает на правом фланге батальона. Взвод Романцова прикрывает правый фланг роты. Соседа справа у тебя, Александр Демьяныч, не будет. Так что, держи ухо востро, чтобы фрицы тебя не обошли. Местность там неровная, со складками... Всякое может быть... Поручаю это дело тебе, поскольку под Севском твои бойцы себя хорошо показали, да и комбат тебя сам назвал. Усёк? – Он внимательно посмотрел на Романцова, затем переглянулся с политруком и продолжил. – В общем, такой вот расклад... Ах да, забыл ещё сказать, что в наступление пойдём втихую, без всякого артиллерийского шума. Подкрадёмся к немцу до рассвета и возьмём его тёпленьким. Так наверху порешали, а наше дело – выполнять... Ну, всем всё понятно или есть какие вопросы?

Васильев всегда так спрашивал, видимо, чтобы лишний раз убедиться, что до всех действительно дошла его мысль.

– Вопросов нет, возражений тоже, – ответил за троих Романцов. – Пойдём немца будить.

– Кстати, Александр Демьяныч, что-то ты у нас кандидатом в партию уже заходил, – заговорил политрук Утенин. – Обещаю тебе, как только завершится эта битва, станешь коммунистом. Лично я считаю, что ты давно достоин.

Крепко сложенный и русоволосый, политрук был живым олицетворением идеального образа коммуниста, с которого следовало брать пример. Иногда он даже казался каким-то уж слишком нереальным, потому что практически не имел недостатков.

– А вот за эти слова спасибо, Николай Трофимович. – У Александра и в самом деле улучшилось настроение. – Теперь мне и в бой будет легче идти.

– Вот и добре. – Ротный кисло усмехнулся. – Сигнал к наступлению – красная ракета, – добавил он, затем снял с ремня и положил на стол фляжку. – Ну что, мужики, перед боем по пятьдесят за победу. Из стратегических резервов старшины...

Он заметно постарел за последние полгода. На лице прорезались морщины, а на висках появились седые проблески. И это в двадцать восемь лет... Похоже, не прошли бесследно февральский переход из Ельца и последующие мартовские бои. Да и здесь, на Тепловских высотах, конечно же, сказалось постоянное нервное напряжение последних десяти дней, хотя полк в сражении практически не участвовал. Но ведь ежедневное ожидание боя тоже изматывает.

Вообще, у Романцова было такое ощущение, будто с февраля, когда 162-ю стрелковую дивизию отправили на фронт, прошло уже лет пять. Слишком много выпало разных бед и страданий на долю людей, слишком много они натерпелись. Сначала был этот тяжёлый десятидневный переход по занесённым снегом дорогам, в голоде и холоде, когда приходилось прилагать воистину нечеловеческие усилия, побеждая усталость и отчаяние. А потом... потом начался настоящий кошмар войны. Дивизия, не успев толком отдохнуть после перехода, была поспешно брошена в наступление. Причём, практически без танков и поддержки артиллерией, точно не зная, какие силы ей противостоят. Видимо, кому-то наверху очень хотелось быстрой победы, только вышло всё совсем иначе. Как и следовало ожидать, наступление захлебнулось и не принесло ожидаемого успеха. Зато были огромные потери...

А теперь это сражение... Оно оказалось несравнимым с теми весенними боями. И хотя дивизия до сих пор полностью в него не вступила, легче от этого не было. Сначала рыли окопы на одном рубеже, затем дивизию перебросили на другой, где, понятное дело, вновь пришлось «вгрызаться зубами в землю», а это, опять же, немалый физический труд. Да и от немецких самолётов досталось всем – как первой линии обороны, так и второй...

* * *

Безоблачное небо было густо усеяно звёздами. Они подмигивали друг дружке, словно обменивались между собой какими-то своими, непонятными людям сведениями. А посреди всего этого грандиозного звёздного моря неторопливо и величаво странствовал большой, яркий серп луны, в серебристом сиянии которого земля выглядела загадочной и зачарованной. И создавалось такое удивительное впечатление, будто на свете и вовсе нет никакой войны. Но Романцов знал, что она, злая сука-уродина, конечно же, где-то тут, рядом, только затаилась до поры до времени, готовится к своим новым страшным деяниям.

На позиции взвода было тихо. Шальной немецкий пулемёт тоже молчал – может быть, пулемётчик уснул, окончательно опьянев, или ему просто надоело пулять почём зря.

Бойцы спали. Бодрствовал, как и положено, один часовой. Он всматривался поверх бруствера окопа в темноту, скрывающую врага.

– Как обстановка? – спросил Романцов, встав рядом с часовым.

– Высо спакойна, таварыш лэйтэнант, – доложил Сайфулин. – Нэмцы атдыхают.

– Вот и хорошо. Значит так, Рахман, аккуратно буди взвод. Скоро наступление.

– Наступат будым? – Сайфулин насторожился.

– Будем, Рахман, будем. А ты что, боишься, что ли?

– Ныкак нэт, таварыш лэйтэнант. Пачыму сразу баус? Вы же мэна знаитэ.

Действительно, под Севском Сайфулин показал себя в бою далеко не трусом, в том числе и в рукопашной.

– Извини, Рахман, не хотел тебя обидеть. – Романцов хлопнул рядового по плечу. – Ну, иди, подымай взвод. Времени мало.

Сайфулину уже исполнилось тридцать три. Дома, в рабочем посёлке под Чкаловом³, у него осталась семья – жена и две маленькие дочки. До войны он работал строителем, а когда началась Великая Отечественная, пошёл добровольцем на фронт. Получил ранение в руку под Москвой и, вылечившись, принял неожиданное предложение пойти служить на границу. Так Сайфулин оказался там же, где и Романцов, а именно, в Восточном Казахстане. Ну а в ноябре 1942-го, когда началось формирование 162-й Среднеазиатской дивизии, он попал туда...

С вражеской стороны взлетела осветительная ракета и зависла над полем. Где-то там находилась Самодуровка, которую предстояло освободить.

До села отсюда было примерно около километра. Конечно, многовато, хотя на войне расстояние – вещь относительная. Порой и сотня метров кажется бесконечной, а тут – пять раз по столько же. Вот и думай, чем эта тысяча метров обернётся для батальона и лично для его, Романцова, взвода. А во взводе-то осталось всего лишь восемнадцать человек, вместе с командиром. Остальные уже полегли на этих курских полях. Вот такая получается арифметика. Но расстояние это проклятое надо, во что бы то ни стало, пройти. И Самодуровку надо взять, потому что таков приказ, хотя и не в приказе дело. А дело всё в том, что надо освобождать родную землю от фашисткой мрази. Надо гнать её поганой метлой туда, откуда она сюда прилезла подобно стае саранчи, разрушая на своём пути города и сёла, убивая и бесчинствуя. Гнать отсюда эту сволочь! Гнать! Гнать!..

Через несколько минут взвод уже готовился к наступлению. Одни солдаты осторожно задымили самокруктами, другие приводили в порядок амуницию и проверяли оружие.

Романцов отыскал своего помощника, старшего сержанта Гончаренко.

– Гриша, проверь, чтобы у каждого была полная фляжка, – распорядился взводный. – Посмотри, сколько осталось дисков для пулемёта. Чтобы было не меньше трёх запасных. Если что, попроси в соседнем взводе. Сошлётся на приказ ротного... В четыре утра двинемся на Самодуровку. Мы должны её взять и удерживать до подхода основных сил. Так что, думаю, денёк предстоит жаркий.

– Трёба, значить, удэрижм, – с бравадой ответил Гончаренко и поводит могучими плечами.

Родом Григорий был из Киевской области. Рослый, крепкий телом и круглолицый, он обладал недюжинной силой, а в рукопашной любил использовать сапёрную лопатку. На границу он попал ещё в сороковом, когда ему шёл двадцать второй год, и служил на Памире. А в одном взводе они оказались уже в Ташкенте в ноябре сорок второго, при формировании дивизии.

– А смерти не боишься? – спросил вдруг Романцов. Он и сам сейчас не мог себе объяснить, почему задал этот вопрос.

– Смэрти? – Гончаренко хмыкнул и пожал плечами. – Та я про нэе нэе думаю.

– Ну и правильно, Гриша. Ладно, иди.

Гончаренко скрылся за изгибом траншеи, по пути расталкивая спящих.

Романцов почувствовал облегчение. Он тоже старался гнать прочь мысль о том, что в любой момент может погибнуть. На войне от смерти не застрахован никто – ни храбрец, ни трус. Старуха с клюкой себе на уме, она выбирает, кого с собой забрать, по каким-то одной ей ведомым критериям. Бывает так, что она долго обходит стороной какого-нибудь отчаянного смельчака, словно боится его, но потом, в самый неподходящий момент, неожиданно подкрадывается и... поминай, как звали. А почему так происходит? Пожалуй, это не сможет объяснить даже самый башковитый учёный.

– От неё, костлявой, как ни бегай, а всё одно... рано или поздно достанет, – раздался за спиной хрипловатый голос.

³ Чкалов – название города Оренбург с 1938 по 1937 годы.

Обернувшись, Романцов увидел перед собой младшего сержанта Петрова, самого старшего во взводе. Ему в мае стукнуло четыре десятка. Молодые бойцы уважительно называли его «дядька Степан», и ему такое обращение, судя по всему, нравилось. Он был чуть пониже Гриши, но такой же широкоплечий, а руками мог гнуть подковы.

– Но всё же лучше бы подольше побегать, – произнёс кто-то в темноте.

Видимо, этот разговор привлёк всеобщее внимание.

– Подольше тебе... – Петров засопел. – Я этих тварей ненавижу настолько, что мне плевать на смерть. Они пришли на нашу землю, чтобы глумиться над нами, чтобы убивать нас, насилловать наших жён и дочерей... Возомнили почему-то, что им всё дозволено... – Он зло выругался и замолчал, не договорив то, что в нём накипело.

Романцов знал, что у Петрова в Сталинграде погибла при бомбёжке двоюродная сестра с шестнадцатилетней дочерью, и хорошо понимал чувства младшего сержанта.

Подсвечивая фонариком, лейтенант прошёл по траншее на правый фланг взвода. Здесь самым крайним был рядовой Сегалов – коренастый тридцатилетний сибиряк. Он сидел в своём окопе и что-то бубнил себе под нос.

– Опять молишься? – догадался Романцов.

Впервые он увидел «поповские штучки» Сегалова ещё в марте, во время первых боёв. Конечно, сперва это сильно покорибило, но потом уже не вызывало особого неприятия.

«Война всё же, смерть кругом, – решил тогда Романцов. – Пускай молится, если так легче»...

– Так точно, товарищ командир, молитвочку о спасении читаю. – Сегалов трижды перекрестился.

– Неужто и вправду в бога веришь?

– Честно говоря, сомнения есть, – подумав, ответил боец. – Родители мои веруют. В церковь регулярно ходят, посты соблюдают.

– Понятно. Странно только, как это тебя, такого верующего, в войска НКВД взяли.

– Так я же раньше неверующим был, – Сегалов усмехнулся.

– Думаешь, бог поможет в живых остаться?

– Кто его знает, – солдат пожал плечами.

– То-то и оно. Ты давай-ка лучше с этими поповскими бреднями заканчивай.

– Я постараюсь, – после паузы произнёс Сегалов, но прозвучало это как-то не очень убедительно.

Романцов посветил фонариком на часы. Стрелки показывали без десяти четыре.

– Всё в порядке, товарищ командир, – доложил появившийся рядом Овчаренко.

– Передай по взводу. Всем приготовиться. Сигнал к наступлению – красная ракета. Сам будешь находиться возле меня. В случае чего, примешь на себя командование.

Лейтенант спрятал фонарик в полевую сумку, затем опустил на подбородок ремешок фуражки, чтобы она не свалилась с головы при резких движениях, одёрнул гимнастёрку поправил на ремне кобуру с ТТ⁴, бинокль и дурацкую противогазную сумку которая по сути являлась ненужным балластом и только мешала в бою. Слава богу на этой войне пока ещё никто не применил отравляющих веществ.

«Всё, теперь можно и наступать...»

Он внутренне собрался в ожидании сигнала. Все посторонние мысли тут же бесследно растворились в ночной темноте. Впрочем, небо на востоке, у самого горизонта, начало сереть, предвещая рассвет.

Романцов взглянул вдоль траншеи и едва различил там силуэты бойцов. За жизнь каждого из них он нёс ответственность, и прежде всего – перед собственной совестью. За каждого

⁴ ТТ – (Тульский Токарева) пистолет образца 1933 г.

убитого она, как строгий и беспристрастный судья, конечно же, спросит с него, и не помогут здесь никакие доводы о приказе и о том, что на войне без потерь не бывает. В любом случае, он, лейтенант Романцов, как командир взвода, будет ощущать свою вину, если погибнет даже один его солдат.

«А может, обойдётся без потерь? А вдруг? Ведь такое порой случается. Ведь бывает же счастливое везение... Эх, если бы, если бы...»

* * *

Ракета, как ни странно, взлетела неожиданно, и Романцов на какое-то мгновение замешкался, растерянно наблюдая за ней. Но уже в следующую секунду он выбросил своё крепкое, тренированное тело из окопа и пошёл быстрым шагом по полю, краем глаза замечая, что слева от него выросла цепь красноармейцев.

Батальон в полной тишине двинулся в наступление, и от этой тишины возникла иллюзия нереальности происходящего. Эта тишина давила и даже немного пугала.

Уже было пройдено не меньше сотни метров, а немцы пока ещё не открывали огонь. То ли они не видели наступающих, то ли просто подпускали их поближе, чтобы встретить убийственным, шквальным огнём и разить наверняка.

Вчера немцы в результате яростного и скоротечного боя были стремительно выбиты из села Тёплое и окопались на этом поле, заняв те самые окопы, в которых неделю назад держали оборону бойцы 140-й дивизии. Теперь предстояло выбить врага и отсюда.

Над землёй потянулось белесое полотно утреннего тумана. Но стелилось оно слишком низко, едва достигая пояса, и в нём невозможно было спрятаться, стать невидимым для вражеских глаз.

Прошли ещё около сотни метров, и по-прежнему вокруг стояла тишина. Это уже было подозрительно.

«Что за чёрт? – подумал Романцов, напряжённо вглядываясь в струящиеся по полю туманные потоки. – Почему немцы не стреляют? Заснули все, что ли?»

Неожиданно в десятке метров перед собой он увидел бруствер траншеи и, немного растерявшись от ощущения её безжизненности, побежал вперёд, готовый вступить в смертельную схватку. Но его странное ощущение оказалось верным – в траншее и в самом деле никого не было. Немцы почему-то бросили эту линию обороны.

– Занять траншею! – подал он взводу команду которая, впрочем, была излишней – бойцы и так уже это сделали. – Следим за сигналами!

– Почему они отступили? – спросил оказавшийся рядом рядовой Семён Золотарёв, бойкий и смекалистый курский парень. – Как думаете?

– Да хрен их знает, – пожал плечами Романцов. – Скорее всего, отошли к Самодуровке, чтобы лучше укрепиться.

– Темнят что-то фрицы. Может, готовят западню?

Лейтенант хмыкнул. Золотарёв нравился ему своей сообразительностью и тем, что был склонен к глубоким рассуждениям, которые порой удивляли и даже ставили в тупик. Его серые глаза почти всегда были полны какой-то необъяснимой грусти, которая не вязалась с возрастом Семёна. Такая грусть обычно свойственна людям, пожившим и повидавшим, но никак не тому, кому идёт всего лишь двадцать второй год.

– Может, и готовят. Но село нам так и так надо брать.

Семён тяжело вздохнул.

– Чего так тяжело вздыхаешь? – Лейтенант внимательно посмотрел на рядового и заметил, что тот опечален. – Боишься, что ли?

– Да не в том дело. Дом вспомнил. Село-то моё не так уж далече отсюда. Южнее, к Белгороду.

– Ничего, закончим эту битву, и я попрошу, чтобы тебе отпуск дали. Навестишь своих.

– Спасибо, товарищ лейтенант. – Семён заулыбался. – Мне бы хоть пару деньков...

– Внимание! – передали по траншее.

Романцов взглянул влево и увидел там выросшую над окопом фигуру командира второго взвода. Лейтенант Кулагин поднял над головой правую руку, а левой сделал несколько махов вперёд, что означало: «Продолжать движение».

– Взвод, продолжаем движение! – негромко продублировал этот сигнал Романцов и выскочил из траншеи.

На поле вновь выросла неровная цепь наступающих.

«А может, они ушли и из Самодуровки? – пришла вдруг ободряющая мысль. – Или все перепились вусмерть и крепко дрыхнут?.. Эх, вот так бы идти и идти до самого села... Самодуровка... Что за дурацкое название? Здесь и погибать-то как-то несолидно... а то напишут, мол, погиб, освобождая Самодуровку... Нет уж, увольте...»

От таких размышлений Романцов немного повеселел. Возможность освободить село без особых усилий и потерь, конечно же, была привлекательной.

Между тем, небо светлело всё быстрее и быстрее. До восхода солнца оставалось минут двадцать-тридцать. Соответственно, и видимость быстро улучшалась. Теперь уже было понятно, что местность вокруг, как назло, ровная и практически открытая. Лишь кое-где темнели небольшие островки леса и какие-то бугорки, но в основном всюду простиралось ржаное поле. И хотя рожь местами высилась аж до пояса, и в ней, в случае чего, можно было залечь, но это как-то радовало не очень.

Да и значительная часть этого поля была покрыта большими чёрными проплешинами пепелищ и изрыта воронками от снарядов. Неделю назад здесь шли ожесточённые бои. Немцы одержимо, невзирая ни на какие потери, рвались к Тепловским высотам, которые считались «ключом от ворот Курска». Тут и там на поле виднелась подбитая фашистская техника: танки, самоходки, бронетранспортёры. Десятки стальных «монстров-убийц»... Все они уже не представляли опасности и теперь лишь безмолвно свидетельствовали о происходившей на этом участке фронта ужасной трагедии. Периодически на пути попадались начавшие разлагаться трупы немецких солдат и советских воинов. Тяжёлый смрад уже висел над ними, вызывая невесёлые мысли о бренности человеческой жизни. Но этим мыслям поддаваться было нельзя, потому что они ослабляли волю, а значит, мешали победить.

За невысоким пригорком открылась печальная батальная картина – уничтоженная батарея из двух 76-миллиметровых орудий. Одна пушка лежала опрокинутой на левый бок, а вторая была смята вражескими гусеницами. Вокруг валялось множество гильз от снарядов и пустых снарядных ящиков. Возле пушек лежали в разных позах погибшие артиллеристы. Их тела были изуродованы ранами: оторванные руки и ноги, вывороченные наружу кишки. Жуткое, отвратительное зрелище. Смерть поработала здесь на славу...

Буквально в десятке метров от перевёрнутого орудия стоял, уткнув в землю мощный, хоботообразный ствол, массивный немецкий танк. Своими очертаниями он напоминал Т-4, но был больше размерами. Видимо, это и был один из «Тигров», на которые здесь, на Курской дуге, сделали ставку Манштейн и Модель. Но ничего у этих хвалёных немецких генералов не вышло – их танковые армады разбились о прочную советскую оборону и превратились в металлический лом. На весь их гусеничный зверинец нашлись достойные зверобои.

Судя по всему бой на этой батарее кипел нешуточный. Артиллеристы сражались мужественно и стояли насмерть. Честь им и вечная память.

Романцов прошёл по позиции, всматриваясь в мёртвые лица. Никого из погибших он не знал, но всё равно ощутил в душе сильную горечь, представив, что этих бойцов уже никогда не дождутся дома жёны, родители, дети. Этих и многих-многих других...

– Мстить за каждого, мстить за всех, – с ненавистью прошептал он.

Желание убивать проклятого врага росло в лейтенанте с каждой минутой.

Далеко впереди проступили очертания села. В этот момент предрассветную тишину разорвало резкое тарыхтение немецкого пулемёта, а через несколько секунд к нему живо присоединились автоматные очереди и винтовочные выстрелы. От Самодуровки в сторону наступающих понеслись огненные пунктиры трассеров. Стало ясно, что чуда не произошло.

– Впе-ерёд! – раздался откуда-то с левого фланга цепи голос ротного. – Ура!

– За мно-ой! – подхватил этот крик Романцов, махнув пистолетом. – За Родину! За Сталина!

Тут же над полем гулко прокатилось родное и ошеломляющее русское «Ур-ра-а!».

Солдаты побежали, стреляя на бегу. Каждый из них сейчас отлично понимал, что нужно как можно быстрее достигнуть вражеских окопов и закрепиться в них. Потому что по полю сейчас остервенело носилась Матушка Смерть и махала направо-налево своей жуткой косой, забирая с собой тех, кто ей приглянулся.

Бросив взгляд через плечо и убедившись, что бойцы не отстают от него, Романцов прибавил скорости. В голове его крутилась только одна мысль, вытеснившая все прочие:

«Быстрее бы добежать! Быстрее бы!...»

Немецкая траншея была уже рядом, а в сотне метров позади неё находились изгороди окраинных домов Самодуровки, в окнах которых тоже вспыхивали огоньки. Оставалось сделать последний, рывок, последнее усилие.

Возле левого уха что-то просвистело. Романцов инстинктивно пригнулся и втянул голову в плечи. Он увидел немца, стреляющего из траншеи из винтовки. Только затем до сознания дошло, что стреляет фашист прямо в него. Даже было странным то, что он не попал с такого плёвого расстояния. Может быть – из-за страха, который мешает в бою точно целиться, потому что предательски трясутся руки.

Лейтенант понёсся вперёд большими прыжками, уклоняя корпус то вправо, то влево от прямой линии, подобно маятнику, чтобы в него было труднее попасть. Этому он научился по дороге на фронт у милиционера со смешной фамилией Пужай-Чере-да, которому взвод Романцова помог обезвредить банду дезертиров. Эти уроки уже пригодились ему в марте.

Выстрелив во врага почти в упор, он спрыгнул в траншею. Немец уже молча валился на бок – на месте его правого глаза зияло чёрное, кровоточащее отверстие.

Немного левее кто-то из его бойцов добивал своего противника прикладом, а дальше в траншее раздавались выстрелы и крики дерущихся.

Лейтенант перепрыгнул через труп ещё одного немца и едва успел увернуться от направленного прямо в грудь штыка. Здоровый, упитанный фриц, обозлённый промахом, резко чертыхнулся на своём языке и попытался ударить снова, но не успел – отброшенный назад двумя пистолетными выстрелами, он опрокинулся на спину и задёргался на дне траншеи в предсмертной агонии.

Романцов стал пробираться дальше, обуянный неистовым желанием убивать врага. Он даже ощутил своеобразный радостный азарт оттого, что побеждает и уничтожает тех, кого ненавидит. Почему-то все эти немцы для него сейчас не являлись людьми, способными чувствовать боль и страх смерти, а, скорее, казались некими абстрактными существами в форме и с оружием. А ведь, между прочим, эти существа тоже жаждали и вполне могли убить его, и поэтому здесь вступал в силу простой закон выживания – кто кого убьёт первым.

Но больше никто ему под руку не попался. Рукопашная уже прекратилась – траншея была полностью захвачена.

– Тикають фрыци! – радостно крикнул где-то рядом Гончаренко. – Тилькы пьяты выблыскують!⁵А, товариш лэйтэнант?

Несколько уцелевших в схватке немцев улепётывали со всех ног к селу, откуда шёл плотный огонь. Село это тоже нужно было освободить, и впереди предстоял новый бой – наверняка более ожесточённый...

⁵ Только пятки поблескивают! (укр.)

Глава 2

Рядовой Золотарёв

15 июля 1943 года, Курская область.

Перед наступлением, в окопе, в голову навязчиво вползали разные воспоминания, но в основном это были эпизоды довоенной жизни в родном селе Сухосолотино. Семён ещё ни разу не побывал там с тех пор, как его призвали в армию весной сорок первого, когда ему стукнуло девятнадцать. А прошло-то уже более двух лет. В сорок первом он регулярно писал домой и получал письма от своих близких, но потом связь с семьёй надолго прервалась – село захватили фашисты. Возобновилась переписка только весной сорок третьего, после освобождения родных мест Красной Армией. Но пока что побывать дома всё никак не представлялось возможности.

Семён вдруг вспомнил, как с отцом и младшими братьями Колькой и Стёпкой ходил зимой на речку Солотинку ловить вьюнов. Ловля происходила ночью. В прорубь они опускали на верёвках корзину, сплетённую отцом из ивовых прутьев, и начинали светить туда факелом. Вскоре вьюны, привлечённые светом, подплывали к проруби хватануть воздуха. В этот момент корзину резко поднимали, и обычно несколько жирных рыбин оказывалось в ловушке. Мать жарила вьюнов на пахучем подсолнечном масле в чугунной сковородке, и потом за столом собиралась вся семья...

Теперь всё это было так далеко-далеко. От той счастливой поры детства и юности его отделяли бои с басмачами на памирской границе и полгода войны...

Семён перекинул через плечо противогазную сумку, забросил за спину вещмешок, проверил, надёжно ли закреплены сапёрная лопатка и фляжка, наполненная водой. На его голове теперь, как и у многих других, была пограничная фуражка, которую он бережно хранил с того момента, как перед отправкой на фронт дивизия переделалась в новую форму. Пилотка сейчас находилась в вещмешке, а каску Семён прицепил сбоку и чуть сзади к ремню, как её обычно носил во время передислокаций. Спору нет, без каски голова была незащищённой, но зато фрицы будут видеть, с кем они имеют дело. Если в бой идут «зелёные фуражки», значит, врагу никакой пощады не будет! Пограничники всегда стоят насмерть, и немцы поняли это уже с первых часов войны. Среднеазиатская дивизия тоже уже не раз доказала эту непреложную истину..

Когда в небо взмыла красная ракета, батальон тихо поднялся и пошёл в наступление.

«Семи смертям не бывать, а одной не миновать!» – мысленно произнёс Семён, выпрыгивая из траншеи.

Взяв наперевес свою «самозарядку», он зашагал по мягкой земле туда, где находилось, пока ещё невидимое глазом, село со смешным названием Самодуровка, которое должен был отбить у немцев их батальон.

Справа от Семёна шёл командир отделения сержант Василий Потапов – донецкий шахтёр, который был на три года старше. Голубоглазый, светловолосый рубаха-парень, во взводе он вызывал к себе всеобщее расположение и уважение. Василий никогда не унывал и не терял присутствия духа, заражая своим оптимизмом и воодушевляя остальных. Семён хорошо помнил, как в конце февраля на занесённой сугробами дороге, когда казалось, что от голода и холода уже ни у кого не осталось сил идти дальше, Василий вдруг запел свою любимую песню из кинофильма «Большая жизнь»:

Спят курганы тёмные,
Солнцем опалённые,

И туманы белые
Ходят чередой.
Через рощи шумные
И поля зелёные
Вышел в степь донецкую
Парень молодой...

И почему-то Семёну сразу стало легче идти дальше, словно эта песня вдохнула в него силы и веру в то, что он сможет пройти. Да и другие тоже зашагали веселей.

В те трудные дни Потапов не раз протягивал свою крепкую шахтёрскую руку упавшим, помогая им встать на ноги и продолжить путь.

Слева наступал чеченец Ильяс Давлетгиреев, одноклассник Семёна. Внешне он не производил особого впечатления и вообще в строю был мало заметен, не выделяясь ни ростом, ни мощностью – разве что излишне тяжёлым, напряжённым взглядом. Но зато в бою Ильяс разительно преображался, становился совсем другим человеком. В нём словно пробуждались какие-то древние инстинкты воина, прибавлявшие ему сил и выносливости, стойкости и бесстрашия.

– Мои предки сражались за свободу, – как-то с гордостью заявил Давлетгиреев. – А тэпэр пришол мой черод. Я должны даказат, што магу ваиват нэ ху-жэ их...

Сам он был родом из дагестанского села Османюрт. Окончив до войны педагогическое училище, Ильяс не успел толком поработать учителем. В августе 1941 года его направили из Дагестана в Подольское пехотное училище на курсы подготовки офицеров младшего командного состава. Но лейтенантом Ильяс так и не стал. В начале октября соединения 3-й танковой группы вермахта прорвали советскую оборону, захватили город Юхнов и устремились к Москве, до которой оставалось двести километров. Тогда 2000 курсантов артиллерийского и 1500 курсантов пехотного подольских училищ спешно были сняты с занятий и брошены в образовавшуюся брешь, чтобы закрыть дорогу на столицу.

Вместе с другими советскими частями курсанты должны были задержать врага на Ильинском рубеже хотя бы на пять дней, но они продержались две недели, уничтожив около пяти тысяч немецких солдат и офицеров и выведя из строя около 100 танков. Сами же подольские курсанты потеряли почти 3000 своих товарищей.

Ильяс в этих страшных боях получил ранение в плечо и оказался в госпитале. По выздоровлении он был отправлен на Памир, служил на Хорогской заставе и там записался добровольцем в формируемую Среднеазиатскую дивизию.

Как истинный чеченец, Давлетгиреев имел непростой характер и из-за своей вспыльчивости нередко ссорился с кем-то из бойцов взвода. Отстаивая собственную точку зрения, он всегда горячился и потом долго успокаивался. Эмоции и порыв у него обычно преобладали над доводами рассудка, и это иногда только мешало в бою. Но, в то же время, дерзкая, граничащая с безрассудством отвага Ильяса не раз выручала и спасала как его самого, так и весь взвод. Он мог броситься в схватку сразу с несколькими врагами и бился как зверь, порой приводя их своим неистовством в ужас и обращая в бегство. К тому же, когда он видел какую-либо несправедливость по отношению к кому-то из товарищей, Ильяс всегда вставал на его защиту, не боясь спорить с командирами. Видимо, именно за это его и приняли в комсомол, где такие человеческие качества высоко ценились...

По мере продвижения вперёд росло нервное напряжение. Ожидание начала боя давило и угнетало. Хотелось уже поскорей вступить в схватку с врагом. Руки чесались намылить фрицам заливки.

Семён инстинктивно потрогал ручку висевшего на ремне ножа в чёрных деревянных ножнах, быстрым движением вытащил его наполовину и вставил обратно. Это был НР-40 – «Нож разведчика» образца 1940 года, изготовленный на Златоустовском инструментальном

комбинате имени В. И. Ленина. Ручка ножа тоже была окрашена в чёрный цвет. Такие «чёрные ножи» имелись у многих в дивизии. Их подарили пограничникам рабочие комбината в январе, перед отправкой на фронт с Урала только что сформированной 70-й армии, в состав которой дивизия и входила.

Насколько знал Семён, боевые ножи появились на вооружении пограничников и сотрудников НКВД в качестве специального средства ещё в 1935 году. Но тогда по форме они являлись точной копией «финского ножа», только, в отличие от него, имели изогнутую в виде латинской буквы «S» гарду. После окончания советско-финской войны 1939–1940 годов на вооружение был принят новый нож, получивший название НР-40. Его рукоять изготавливалась из дерева, карболита либо эбонита и в основном окрашивалась в чёрный цвет.

Нож хорошо «лежал в руке» при любом хвате, имел удобную по длине и толщине рукоять и был удачно сбалансирован. Его баланс приходился на середину пяты клинка⁶, то есть как раз туда, куда перед гардой можно было выставлять палец в некоторых случаях. Да и в целом НР-40 был приятен на вид и на ощупь.

Ещё во время службы на границе на Памире Золотарёв прошёл курс обучения бою на ножах. Эти навыки ему уже довелось применить в марте, и тогда же он окрестил свой нож «друзбаном Сёмкой», который мог выручить в трудную минуту...

* * *

Наконец, немцы очухались и открыли нервный, беспорядочный огонь. Тут же где-то внутри родилось чувство страха, которое стало быстро расти, подчиняя себе рассудок. Оно, это мерзкое чувство, буквально приказывало упасть на землю, чтобы не подставлять себя под пули.

«Вот сейчас они с радостным визгом вопьются своими разящими стальными «жалами» в твою грудь или голову, легко разрывая человеческие ткани, вены и внутренние органы, перебивая и кроша кости. Эти пули могут тяжело ранить тебя, сделать инвалидом или даже запросто убить, потому что они не имеют жалости и им плевать на твою или чью-то там ещё жизнь. Они для того и созданы людьми, чтобы забирать жизни, чтобы убивать».

Всё это упрямо твердило, как заклинание, проклятое чувство страха, которое на войне, как твёрдо уяснил Семён, является главенствующим для всякого человека. Просто кто-то находит в себе достаточно душевных сил и мужества, чтобы победить этот страх, а кто-то поддаётся ему, превращаясь в жалкое, безвольное существо.

«Да, конечно, они страшны, эти безжалостные пули, и каждый нормальный человек боится их, но всё же... Но всё же если думать только о своей шкуре, то не получится общей победы. Никак не получится!.. А значит, надо вставать и идти вперёд, и бросаться в атаку, не жалея себя и преодолевая страх перед проклятыми пулями. Нельзя их бояться, вот что получается. Нельзя! Таков суровый закон войны...»

Эти мысли пронеслись в голове Семёна в мгновение ока, а в следующий миг он уже вскочил и побежал вперёд. Побежал во всю прыть, чтобы как можно быстрее добраться до фашистов, чтобы они не успели убить его раньше. А слева и справа от него бежали другие бойцы, наверное, подгоняемые теми же думками и чувствами.

Пограничники стремительно преодолели последние метры и обрушились на врага подобно грозной, всёсокрушающей лавине. Тут же в ход споро пошли штыки, приклады и сапёрные лопатки, ну и, конечно же, ножи. В окопах разгорелся рукопашный бой – злой и беспощадный. Повсюду раздавались глухие удары, яростные крики дерущихся, хрипение борю-

⁶ Пята клинка – не заточенная часть клинка, прилегающая к гарде или непосредственно к рукояти клинкового оружия или инструмента.

щихся и стоны раненых и умирающих. Металл со звоном ударялся о другой металл и мягко входил в человеческую плоть, разрывая её и дырявя.

Семён дрался почти не думая – безотказно действовали инстинкты, выработанные во время упорных тренировок и уже проверенные на практике. Он заколол штыком в грудь рослого, плечистого фашиста, затем разможил прикладом не защищённую каской голову другому – коренастому. Третий немец, худошавый, примерно лет сорока, бросив винтовку, вылез из окопа и стал без оглядки удирать. Семён тоже отшвырнул СВТ и побежал за фрицем, уже больше ничего и никого вокруг не замечая. Догнав убегающего, он со всей силы толкнул его в спину. Немец упал и покатился кубарем, каска слетела с него.

– Куда же ты, сука? А? – Золотарёв вытащил из ножен своего «дружбана», и тот вдруг завибрировал в его руке, словно ожил. Впрочем, возможно, эта вибрация произошла от мощного взрыва, раздавшегося где-то в километре отсюда.

Немец, лёжа на спине, отодвигался руками, с ужасом глядя на поблескивающее лезвие ножа.

– Что, гад, страшно умирать? – Золотарёв остановился перед фрицем. – А ну встать!

Немец замотал головой, видимо, догадавшись, что говорит ему русский, затем шустро перевернулся и, встав на четвереньки, опять попытался удрать. Им уже полностью владел дикий, безотчётный ужас перед смертью. Семён прыгнул на него и вонзил нож в спину фашиста. Тот пронзительно завизжал, но продолжал уползать, таща на себе Золотарёва.

«Какого хрена?» – Обескураженный Семён выдернул из его спины нож и воткнул его туда опять. Немец вновь взвизгнул и пополз быстрее. Стало даже жутковато оттого, что он не умирает и находит в себе силы двигаться. А ведь с виду казался даже хлипковатым.

Семён ещё раз выдернул и воткнул нож, взяв чуть левее. Немец упал и захрипел, но потом опять попытался ползти. Он почему-то никак не умирал!

«Да что же это, в самом деле? Заколдованный он, что ли?» – Семён выдернул нож и удивлённо посмотрел на его окровавленное лезвие.

«Раз есть кровь, значит, убить его можно. Надо добивать гада!»

Теперь он нанёс удар ближе к шее, и только после этого немец затих и остался лежать недвижимым.

Выдернув «Сёмку», Золотарёв несколько секунд смотрел на только что убитого им врага и вдруг ощутил омерзение и даже чувство стыда за то, что он по сути превратился в хищного зверя, которым владел самый худший из всех инстинктов. Животный инстинкт убийства!..

«Вот же что война с нами всеми делает... Превращает, зараза, в нелюдей... Мать её... И никуда ведь не денешься! Если не ты убьёшь, так убьют тебя...»

Семён поднялся и устало оглядел поле боя. Стало понятно, что позиция захвачена и драться больше не с кем. Всего лишь несколько немцев драпали по полю в сторону Самодуровки, остальные навсегда остались лежать здесь.

На востоке, над виднеющейся вдали рощицей, показался алый краешек солнца. Земное светило словно выглянуло из-за горизонта, чтобы утолить своё любопытство и узнать, что сейчас происходит на этой стороне планеты. Но уж лучше бы оно оставалось в неведении, потому что здесь по-прежнему шла жестокая, кровавая война, и люди продолжали убивать друг друга.

В стороне в траншее произошло какое-то оживление. Семён подошёл туда и увидел молодого немецкого солдата, лицо которого было белым от страха. Немец поднял руки и прижался спиной к стенке окопа, затравленно глядя на собравшихся вокруг него красноармейцев.

– Bitte nicht to ten,⁷ – пролепетал дрожащим голосом фриц. – Bitte...

– Шо ты там лопочешь, немчура поганая? – Потапов шагнул к пленному и врезал ему кулаком в челюсть. – Поди, помирать не хочешь, да?

⁷ Пожалуйста, не убивайте. Пожалуйста... (нем.)

– Да в расход его, и всех делов, – предложил кто-то из красноармейцев.
– Как-то не по-людски это, – возразил Семён. Пленный уже вызывал у него чувство жалости – худой и лопоухий.

«А может, мобилизовали, не спросив разрешения? Мало ли... Ведь не все же они сами на фронт рвались? Не может же быть, что среди них нет нормальных людей...»

– Не по-людски, говоришь? – протиснулся к немцу Петров, на скулах которого играли желваки. – А они по-людски поступают, а?

Рядом на бруствере окопа появился Романцов.

– Что тут у вас? – Прищурился карие глаза, он быстро пробежался хмурым взглядом по лицам бойцов и, конечно же, сразу всё понял.

– Да вот, товарищ лейтенант. – Потапов кивнул на немца. – Думаем, что с ним делать.

– Есть предложение прикончить, – возбуждённо произнёс Петров.

– Предложение отпадает, – резко отрезал Романцов. – Мы, воины Красной Армии, не должны уподобляться фашистам. – Он чеканил каждое слово, будто произносил сейчас торжественную речь. – Убить без всякой жалости врага в бою – это одно, это правильно... Но убивать безоружного – это не по-советски. Всем понятно?

– Куда уж понятней, – проворчал раздосадованный Петров.

– Сегалов, передай пленного во второй взвод, – подумав, распорядился Романцов. – Всем остальным рассредоточиться. И не маячьте вы на бруствере, как мишени! – Он наклонился над одним из мёртвых немцев, коснулся пальцем пряжки чужого ремня и прочёл на ней надпись. – Гот мит унс. – Лейтенант распрямылся во весь свой немалый рост. – Бог с нами!.. Слышал, Сегалов? Ну и где их бог? Что скажешь? Помог он им?

Сегалов неопределённо хмыкнул в ответ.

– Что и требовалось доказать, – заключил Романцов.

Глаза взводного повеселели. Он снял фуражку и погладил рукой коротко остриженную голову, а затем подмигнул пленному.

– Топай, фриц. Сейчас я твой бог...

Спрыгнув в траншею, Семён увидел перед собой Ильяса Давлетгиреева, лицо которого было забрызгано кровью.

– Еэх, хороший драка был, – радостно произнёс Ильяс, вытирая лезвие своего ножа куском ткани мышинного цвета, наверное, оторванного у кого-то из убитых фашистов.

– Ранен? – обеспокоено спросил Семён, оглядывая товарища.

– Нэт, цэлый. – Ильяс вытер рукой лицо и удивлённо посмотрел на кровь. – Это нэ мой кровь.

– Точно, не твоя?

– Нэт, нэ мой. – Чеченец криво усмехнулся. – Вражий...

* * *

Солнце уже взошло над горизонтом и теперь всю озаряло истерзанную боями, мёртвую Самодуровку. Картина была удручающей. От половины домов в селе остались обгоревшие развалины, а остальные походили на жалких, покалеченных беспризорников.

Семён представил, какая была жизнь в этом селе до войны, как здесь горланили по утрам петухи и мычали, требуя дойки, бурёнки, как гоняли лошадей в ночное бедовые хлопцы и вязали под песни снопы из срезанных колосьев ржи весёлые девки и бабы. Всё это, конечно же, было здесь, пока сюда не пришла страшная беда. А теперь село вообще опустело – загодя до начала сражения все местные жители со своей домашней животиной были отсюда эвакуированы.

«А сколько сейчас всего стоит таких вот опустевших и безжизненных сёл и деревень? – горестно подумал Золотарёв. – Должно быть, очень-очень много. Одни сожжены вместе с людьми карателями, другие полностью разрушены войной... А сколько ещё таких, что едва выживают и терпят великие страдания и унижения под кованым немецким сапогом?»

От этих мыслей его руки крепче сжали винтовку, а в душе заклокотала ярость.

«Ну ничего, ничего, скоро мы эту погань сковырнём с нашей родной земли и потом возродим все несчастные сёла и деревни, сделаем их ещё краше прежнего...»

Неожиданно в воздухе засвистело, и через пару секунд немецкая мина взорвалась, немного не долетев до траншеи, метрах в пятидесяти левее. Не успел развеяться дым от взрыва, как засвистела вторая мина, а за ней – ещё одна, и ещё. Они взрывались то перед траншеей, то позади неё, и было понятно, что огонь немцы переносят всё ближе и ближе к взводу Романцова.

Семён свернулся калачиком на дне окопа и закрыл руками голову. Всё его существо напряглось в ожидании взрыва, сжалось и приготовилось, зная по опыту, что это такое. И взрыв раздался где-то совсем рядом, оглушив и забросав Золотарёва комьями земли. Но через несколько секунд страх сменился бурной радостью.

«Жив!»

Семён приподнялся, сбрасывая с себя землю и убеждаясь, что его действительно не зацепило, а следующий взрыв был уже дальше и не так страшен. А потом мины стали взрываться на другом фланге батальона, снова приближаясь сюда, и в какой-то момент пришлось опять вжиматься в землю и после – радоваться, что не убило. Всё это походило на какую-то кошмарную игру которую могли придумать только взрослые. Правила в «игре» были простые – сумей выжить...

Помимо миномётного, из Самодуровки шёл и плотный пулемётный огонь. Судя по всему, фашисты, взбешённые потерей траншеи, решили отыгаться яростным обстрелом. Ни о каком наступлении в лоб сейчас, естественно, не могло быть и речи, иначе легко можно было положить весь батальон.

– Да, теперь село с ходу не возьмём, – заключил расположившийся справа Потапов, отряхивая рукой гимнастёрку. – Без артиллерии лучше не соваться.

Обстрел продолжался минут пятнадцать, потом наступила тишина. А ещё минут через пять на позиции взвода появился ротный. Левый рукав его гимнастёрки был закатан по локоть, а запястье руки – перебинтовано.

Васильев подошёл к лейтенанту и что-то ему коротко сказал, махнув здоровой рукой на правый фланг, затем хлопнул Романцова по плечу и побежал по траншее в обратную сторону.

– Значит, так, бойцы! – громко объявил лейтенант. – Занимаем оборону вон на том пригорке. – Он показал на виднеющийся метрах в ста бугор с небольшим кустарником. – Роем окопы под углом в сорок пять градусов к основной траншее. Ротный сказал, что скоро будет поддержка артиллерией и танками. Наша задача – прикрывать правый фланг батальона, чтобы не допустить окружения. Вопросы и предложения есть?

Таковых не последовало.

– Тогда перебежками по двое – вперёд!..

Романцов сам вылез из траншеи и, пригнувшись, побежал в первой двойке.

То ли немцы не заметили передвижение взвода, то ли ещё что, но огонь в эту сторону они почему-то не открывали. Благополучно добравшись до указанного пригорка, бойцы тут же рьяно принялись окапываться. К счастью, земля была мягкой, и лезвие сапёрной лопатки входило в неё как нож в масло. Уже через каких-нибудь полчаса были открыты отдельные ячейки для стрельбы лёжа, которые быстро продолжали углубляться, чтобы превратиться в полноценные окопы. Привычные к этой тяжёлой работе солдатские руки делали всё сноровисто, отточенными движениями...

Глава 3

Памирский рубеж

Совершенно секретно.

Исполняющему обязанности Начальника Главного управления пограничных войск СССР генерал-майору

тов. Яценко.

Шифротелеграмма

В ночь с 8 на 9 сентября 1941 года в районе озера Булун-Куль группой всадников-киргизов в количестве 14 человек были убиты отдыхавшие в кибитке помощник начальника разведывательного отделения Мургабской пограничной комендатуры Урунбаев и сопровождавший его пограничник Дубовицкий. Забрав у убитых оружие, документы и обмундирование, нападавшие скрылись на территории Афганистана.

Мною приняты меры к обнаружению и ликвидации банды.

Начальник Управления пограничных войск НКВД Средне-Азиатского округа генерал-майор Рындзюнский.

10 сентября 1941 года

Совершенно секретно.

Начальникам Таджикского и Памирского пограничных отрядов, отдельных Мургабской, Шурабадской и Калай-Хумбской пограничных комендатур.

Шифротелеграмма

В связи с усилением антисоветских настроений среди киргизов племени хандыриша, проживающих в сёлах Аличурской долины, вызвавшим активизацию бандитских формирований, находящихся как на советской территории, так и в соседних районах Афганистана, приказываю усилить бдительность на пограничных заставах и в зонах ответственности погранкомендатур, а также – отслеживание оперативной обстановки в приграничной полосе. Кроме того, приказываю принять меры для обезвреживания и ликвидации банд и их главарей: Зиянутдина Ахмедова и братьев Егамберды и Камчибека Аильчибековых. Провести розыск и выявление афганских резидентов, ведущих подрывную деятельность среди населения Советского Таджикистана.

Обо всех происшествиях и изменениях обстановки докладывать незамедлительно.

Начальник Управления пограничных войск НКВД Средне-Азиатского округа генерал-майор Рындзюнский.

10 сентября 1941 года

Сентябрь 1941 года.

Горно-Бадахшанская автономная область.

Весной Семён Золотарёв, едва ему стукнуло восемнадцать, был призван в пограничные войска НКВД СССР, и судьба забросила его сюда, на Памир, в Горно-Бадахшанскую автономную область.

Конечно, после родных курских равнин с холмами, которые только в детстве казались большими, Памир потрясал огромными, круглый год покрытыми снегом вершинами. От одного их вида у Семёна в первый месяц захватывало дух, но потом он постепенно привык к высокогорным пейзажам и даже стал испытывать к ним нежные чувства.

«Крыша мира» – так красиво называли эти горы местные жители, и лучшего названия, пожалуй, нельзя было придумать. Оно отражало всё величие Памира, а ещё таило в себе нечто неподвластное человеческому пониманию. Старики-памирцы говорили, что именно где-то здесь сокрыта мудрость всей планеты. Что ж, вполне возможно, так оно и было...

Он попал служить в отдельную Мургабскую пограничную комендатуру, которая дислоцировалась в кишлаке Мургаб. Это селение стояло на высоте 3600 метров над уровнем моря, у слияния рек Ак-Байтал и Мургаб, и через него проходил Памирский тракт – грунтовая дорога, соединявшая киргизский город Ош и административный центр Горно-Бадахшанской автономной области город Хорог.

Потянулись нелёгкие пограничные будни: дежурства и наряды, охрана складов и КПЗ, где содержались задержанные нарушители и местные уголовники, хозяйственные работы (уборка конюшни, строительство и обустройство городка и многое другое). Несение гарнизонной службы, боевая, физическая и политическая подготовка чередовались с конными выездами к границе, длившимися порой по нескольку дней.

Понятное дело, в горах не было ни КСП, ни проволочных и прочих инженерных заграждений. Только кое-где были оборудованы примитивные наблюдательные пункты. Охрана границы осуществлялась в основном конными разъездами по 5–6 человек, которые выставляли дозоры, засады и секреты. Естественно, ко всему этому привлекалась маневренная группа комендатуры, помогая ловить контрабандистов и мелкие банды, просачивавшиеся из Афганистана.

Как всякий деревенский парень, Семён неплохо ездил верхом без седла, но теперь ему пришлось приноравливаться и к нормальной езде – с седлом и стременами. Впрочем, её он освоил быстро. В комендатуре ему достался тёмно-гнедой пятилетний жеребец по имени Зубр. Это был умный конь с покладистым характером, так что никаких проблем с новым товарищем не возникло. Они сразу подружились, и уже через несколько дней Золотарёв лихо носился на Зубре, изумляя тех, кто до службы вообще не имел дела с лошадью. Впрочем, последних в комендатуре были единицы – сюда старались подбирать уже владеющих верховой ездой...

Поначалу, конечно, было нелегко. В условиях высокогорья, где в воздухе пониженный уровень кислорода, нужны привычка и особая выносливость. Когда человек впервые восходит на высоту более двух километров и долго находится там, он испытывает болезненное состояние, которое возникает из-за кислородного голодания. На большой высоте начинает болеть голова, становятся «ватными» ноги, учащается дыхание, могут появиться тошнота и рвота, а также расстройство желудка, теряются сон и аппетит. Если не спуститься вниз, человек начинает походить на пьяного – он не может ясно мыслить и с трудом удерживает равновесие. Это так называемая «горная болезнь», и её «прелести» Семён прочувствовал на себе в полной мере. А чтобы смягчить её симптомы или избежать их вовсе, к горам нужно привыкать постепенно, давая организму возможность акклиматизироваться. Для этого новобранцы ежедневно поднимались в горы и спускались вниз, причём каждый раз высота подъёма увеличивалась.

Да и ходить целыми днями вверх-вниз по горным тропам с боевым снаряжением и тяжёлым вещмешком не так-то просто. И всё же, несмотря на все трудности службы, Семён гордился, что стал пограничником, как и его знаменитый односельчанин Григорий Кофанов, чьё имя в 1940 году присвоили 5-й заставе 17-го Тимковичского погранотряда. В селе Григорий работал трактористом, в 1937-м был призван в Красную Армию, за мужество получил орден Красной Звезды, а в 1939 году героически погиб при выполнении боевой задачи на Западной границе. Семёну хотелось хоть немного походить на земляка...

Мургаб представлял собой селение с полусотней домиков, стоящих почти вплоты друг к другу, с узкими проходами между дувалами⁸. В центре кишлака, возле маленькой площади, имелось два магазина: «Госторг» и «Таджикторг». Там же находились сельсовет, школа и чайхана. Все они были одноэтажными. А посреди площади, на постаменте, стоял бетонный Ленин высотой в человеческий рост.

Здания и постройки комендатуры располагались на возвышении, чуть в стороне от домиков местных жителей, и были обнесены высокой стеной – местами глинобитной, а местами сложенной из цементированных камней. Всё это напоминало небольшую крепость, над которой возвышалась мачта радиостанции.

Когда Семён первый раз вошёл на территорию комендатуры, его больше всего поразил висевший на стене штаба кумачовый плакат с белой надписью:

«ГРАНИЦА СССР СВЯЩЕННА И НЕПРИКОСНОВЕННА!»

От этой надписи исходила какая-то незримая сила, вызывавшая в душе гордость за свою великую страну и за то, что отныне он, Семён Золотарёв, стоит на страже этой священной границы. Форма пограничника, и особенно фуражка, казались ему своего рода священными и, в какой-то мере, даже волшебными, предметами, надевая которые, он становился неким особенным человеком, способным совершать то, что не могут обычные люди. Конечно, на таком особенном человеке лежала огромная ответственность...

Время от времени по вечерам в клубе комендатуры крутили фильмы или устраивали концерты заезжие артисты, а иногда там выступали с интересными лекциями какие-нибудь учёные. Была у пограничников и собственная художественная самодеятельность, в которой участвовали и члены их семей. Конечно, в клуб приходили местные жители, и это было очень важно, так как любое культурное мероприятие улучшало с ними отношения.

Южнее кишлака находился неказистый деревянный мост через реку Мургаб. Левый берег реки представлял собой широкую, покрытую травой и частично заболоченную низменность, служившую отличным пастбищем. Летом здесь постоянно вились тучи злого и беспощадного комарья.

Со всех сторон эту долину окружали невысокие, до полукилометра, горы – голые и морщинистые, вид которых вызывал в душе прилив романтического настроения.

За полгода Семёну посчастливилось увидеть некоторые удивительные места Памира: солёное озеро Каракуль и пик Революции⁹, Сарезское озеро и Усой-ский завал, который появился в результате землетрясения. Ему ещё хотелось увидеть и самую высокую точку Советского Союза – гору пик Сталина¹⁰, но, к сожалению, это пока никак не удавалось...

Занятия по политической подготовке вёл политрук¹¹ Николай Иванович Нарожный. Ему было около тридцати лет, но порой казалось, что он гораздо старше, потому что вёл он себя

⁸ Дувал – глинобитная стена, отделяющая внутренний двор жилища от улицы.

⁹ Пик Революции – четвертая по высоте вершина Памира. Высота – 6940 метров. В 2009 году переименован в пик Независимости.

¹⁰ Пик Сталина – высочайшая вершина Памира. Высота 7495 м. В 1962 году переименован в пик Коммунизма, а в 1998 году – в пик Исмаила Самани, основателя первого государства таджиков.

¹¹ Политрук – («политический руководитель») – специальное звание, соответствующее общему воинскому званию стар-

как умудрённый жизнью человек. За это пограничники уважали его не только как командира, но и как мужика. Нарожный не придирался по пустякам и никогда не распекал без серьёзной причины, не порол горячку и всегда старался объективно разобраться, если кто-то допускал оплошность по службе. Но, в то же время, он был предельно строг с теми, кто сознательно нарушал дисциплину и совершал должностное преступление. К счастью, подобное случалось крайне редко.

– Не забывайте, мать вашу, что вы являетесь бойцами войск НКВД! – гневно кричал он перед строем после каждого подобного случая. – Любой ваш тяжкий проступок позорит это почётное звание! А значит, вы должны быть морально устойчивыми и высоко нравственными. Зарубите это себе на носу!..

Нарожный был среднего роста и в форме вовсе не выглядел атлетом, но когда он оголял торс, взорам окружающих представала отлично развитая мускулатура этого человека. На турнике он творил настоящие чудеса, вызывая восхищение и зависть у красноармейцев.

Политрук служил здесь почти десять лет. Он приехал на Памир из Ленинграда, но любил повторять, что отец его был донским казаком и во время Гражданской войны перешёл на сторону Советской власти.

Нарожный был женат на симпатичной брюнетке, которую все в комендатуре называли строго по имени и отчеству – Лидия Васильевна. Она работала врачом-терапевтом и, понятное дело, лечила не только пограничников, но и местных.

Кроме того, жена политрука тоже участвовала в самодеятельности, где неплохо пела и читала стихи. Конечно, когда она выступала, все молодые парни, и Семён в том числе, неотрывно смотрели на неё, и это было понятно. Поговаривали, что Нарожный страшно ревнует свою Лиду чуть ли не к каждому...

С началом Великой Отечественной войны на Восточном Памире вновь напомнили о себе басмачи, которые почти десяток лет особо не досаждали. Очевидно, теперь они надеялись на скорую победу фашистской Германии. Участились нарушения границы и вооружённые столкновения. Кроме того, в Таджикистане стали появляться агенты абвера – шпионы и диверсанты. К тому же, осложняло охрану границы и то, что ещё летом часть пограничников отправили на фронт, и на заставах не хватало людей. Доходило до того, что у телефонов дежурили офицерские жёны.

После убийства двух пограничников комендатуры в ночь с 8 на 9 сентября стало ясно, что отныне спокойной жизни не будет. Так оно в дальнейшем и вышло...

Утром 14 сентября 1941 года в штаб комендатуры пришла тревожная радиограмма с заставы Сасык-куль. Ночью произошло боестолкновение дозорной группы с бандой численностью до двух десятков человек. В результате один пограничник погиб, а ещё один был ранен. Басмачи скрылись на левом берегу реки Памир, служившей естественной границей между СССР и Афганистаном, но перед этим успели угнать отару колхозных овец.

Примерно через час из Мургаба спешно выдвинулся конный отряд, состоявший из двух десятков пограничников во главе с политруком Нарожным и командиром взвода лейтенантом Ларионовым. Семён оказался в этом отряде. Он был рад, ведь ему ещё ни разу не приходилось участвовать в настоящем бою, а тут вдруг представилась такая возможность. Хотелось убедиться, что он не струсит, когда над головой засвистят пули.

Взводного Семён немного недолюбливал за то, что тот держался перед подчинёнными кичливо и строил из себя этакого бывалого воина, хотя сам только в этом году окончил училище. Остальные пограничники тоже относились к Ларионову с явной неприязнью, а за высокий рост и худобу между собой они прозвали лейтенанта Жердяем.

Помимо карабинов¹², в отряде было два автомата и ручной пулемёт, а политрук и командир взвода, кроме штатных пистолетов ТТ, взяли новенькие СВТ-40¹³. Несколько таких винтовок в комендатуру прислали совсем недавно, и их ещё не опробовали в боевых условиях.

На всех были ватные куртки образца 1935 года, хотя на складе комендатуры лежали новые – стёганные. Но старые телогрейки выглядели более цивильно, и потому никто не спешил их менять.

У офицеров на головах были цигейковые шапки-финки, а у красноармейцев – зимние будёновки с зелёными матерчатыми звёздами впереди, означающими принадлежность к пограничным войскам. Конечно, как и положено, посреди этих зелёных звёзд блестели эмалевые красные звёздочки – с серпом и молотом...

Хорошо зная норы здешних киргизов, Нарожный предполагал, что бандиты могут вновь перейти границу и учинить ещё какое-нибудь злодейство. Скорее всего, это они и убили Урунбаева и Дубовицкого. С обнаглевшей бандой нужно было покончить как можно быстрее...

* * *

Памирский тракт Ош-Хорог длиной 728 километров был построен в 1931–1934 годах. А в 1940 году, всего лишь за 110 дней, был возведён и Западно-Памирский тракт имени Сталина, соединивший Хорог со Сталинабадом¹⁴. Протяжённость этой новой грунтовой дороги составила 567 километров. Строили её двадцать две тысячи таджикских колхозников – в сложнейших условиях и порой через практически непроходимые места. Это был настоящий трудовой подвиг.

По Памирскому тракту пограничники поднялись на Северо-Аличурский хребет и через перевал Най-заташ спустились в Аличурскую долину двигаясь на юго-запад, к кишлаку Аличур. День выдался относительно тёплым, без каких-либо капризов погоды. Ближе к полудню солнце уже более-менее прогрело долину, позволяя её обитателям порадоваться короткой памирской осени. До наступления морозов оставалось ещё месяца полтора.

Аличурская долина распростёрлась на сто с лишним вёрст в длину, с запада на восток Памира, между двумя хребтами. Это была ровная, практически голая и, на первый взгляд, безжизненная местность, по которой текла небольшая речка Аличур. Долина постепенно повышалась в восточном направлении, и оттуда по ней почти всё время нёсся холодный, пронизывающий ветер. Только перед рассветом в летнее время здесь ненадолго наступало затишье, и в эти короткие периоды безветрия долина казалась воистину райским местом.

Климат здесь действительно был суров. Летом по ночам часто случались заморозки, а появившиеся зимой обширные наледи окончательно растаяли только к концу июня. И всё же Аличурская долина обладала и своим особенным природным очарованием.

Разбросанные вокруг реки заболоченные, испещрённые озерами и протоками луга с буйной зеленью являлись настоящими оазисами посреди высокогорной пустыни. Их питали ключи, бьющие у подножий гор. На этих лугах летом царил птичье оживление. Горные вьюрки и коноплянки, скалистые голуби, вороны, клушицы, жаворонки и прочие пернатые слетались сюда на кормёжку.

К середине лета трава в долине выросла довольно высокая и сочная, сюда пригоняли пастись овец и коз здешние пастухи-киргизы, и по всей долине встречались небольшие группы их кибиток...

¹² карабин – карабин образца 1938 года, созданный на основе винтовки Мосина.

¹³ СВТ – 40 – самозарядная винтовка Токарева образца 1940 года.

¹⁴ Сталинабад – название города Душанбе с 1929 по 1961 г.

Заночевали в палатках прямо посреди долины, в небольшой впадине, которая частично закрывала от ветра, и спали в тёплых и надёжных армейских спальнях мешках. Утром, едва рассвело, продолжили путь натошак.

– Позавтракаем в кишлаке, – пояснил политрук. – Тут осталось-то с десятков вёрст...

Кишлак Аличур находился на правом берегу одноимённой реки и на открытой плоской местности был виден издали – десятка два домиков и несколько юрт. Семён уже пару раз здесь был и знал, что в Аличуре живут как таджики, так и киргизы.

Семён сразу обратил внимание, что памирские таджики относятся к советской власти и вообще к русским очень радушно и доброжелательно, стараясь помогать пограничникам. А вот здешние киргизы были скрытны и не так приветливы, зачастую в общении хитрили, а иногда выказывали и явную неприязнь.

– Чего они так? – как-то спросил Семён у политрука. – Мы же к ним со всей душой.

– Да пёс их знает, – пожал плечами Нарожный. – Видно, мешаем им свободно кочевать в Афганистан и Китай. А может, ещё какие обиды есть... Ничего, Золотарёв, со временем всё равно образумятся, никуда не денутся.

Как выяснил Семён, киргизы летом жили в юртах, а зимовали в неказистых жилищах, сложенных из камней. Впрочем, в последние годы те, что побогаче, стали строить вполне добротные дома. Занимались они в основном скотоводством и охотой на горных козлов и баранов. Скот и охотничьи трофеи меняли у таджиков и русских на муку, овощи и фрукты, а также на разную утварь. Помимо этих занятий, киргизы любили устраивать скачки на лошадях и даже на верблюдах.

– Один из самых выносливых в мире народов, – уважительно сказал про них политрук.

В самом деле, жизнь в холодных, высокогорных пустынях, где летом температура не поднимается выше двадцати градусов, а зимой опускается до пятидесяти ниже нуля, закалила этих людей...

– Выше головы, орлы! – весело крикнул Нарожный на подъезде к кишлаку. – Рысью! Марш! Бдительности в кишлаке не терять, на местных девок не заглядываться. А то смотрите мне.

При упоминании «девок» бойцы приободрились. Среди таджичек часто встречались красивые. Правда, почти все они, строго следуя мусульманским традициям, избегали ухаживаний пограничников. Но, по крайней мере, никто не запрещал усладить глаза приятным видом девушек.

Отряд остановился на окраине, возле караван-сарая. Здесь, рядом с квадратным строением для отдыха проезжих и загонем для вьючных животных, был вкопан длинный стол с двускатным деревянным навесом, а по бокам от него стояли лавки. Чуть в стороне для лошадей были сооружены две коновязи с кормушками, представлявшие собой сложные конструкции – горизонтально закреплённые брёвна под такими же двускатными навесами, а под брёвнами – деревянные желоба для сена. Понятно, что весь строительный материал был завезён сюда откуда-то издали, где росли деревья.

Пограничников у караван-сарая уже поджидал старейшина кишлака Джасур Курбанов, который являлся председателем местного сельсовета. Это был высокий, сухощавый старик с цепким, изучающим взглядом и седой бородой до груди. Одет он был в стёганный ватный халат в полоску и шаровары, заправленные в джурабы – шерстяные чулки. Ноги старика были обуты в чарыки – башмаки из сыромятной козьей кожи на мягкой подошве. Его голову покрывала круглая шапка, отороченная овечьим мехом. В целом старик выглядел вполне солидно, как и подобает человеку «при должности».

– Салом алейкум, Джасур-ака! – поприветствовал его Нарожный, спрыгивая с коня.

– Здравствуй, товарищ Николай! – Лицо старика засияло радушием. Судя по всему, он относился к политруку очень хорошо.

Они пожали друг другу руки и дружески обнялись, затем старик поздоровался и с подошедшим Ларионовым.

Остальные пограничники тоже спешили, стали привязывать лошадей и разгружать с них мешки с продовольствием.

– Мы тут у вас подкрепимся, Джасур-ака, – пояснил политрук. – Вы не против?

– Да конечно, нет. Для нас это большая честь. Располагайтесь.

Старик хорошо, почти без акцента, говорил по-русски, был грамотным и вообще много знал о русской культуре. Но, кроме того, он пользовался уважением у аличурских таджиков и даже у части киргизов, и этот факт тоже играл роль. Поэтому его и назначили здесь председателем. Такой человек был выгоден как советской власти, так и местному населению.

Ларионов тут же распорядился выставить вокруг кишлака боевое охранение, потому что потеря бдительности была чревата самыми трагическими последствиями. Это уже не раз подтверждалось здесь, на Памире, практически.

Вокруг собралась, налетев шумной стайкой, местная ребятня – мальчишки и девчонки, таджики и киргизы. Они с интересом рассматривали снаряжение пограничников и что-то оживлённо друг с другом обсуждали. По их чумазым мордашкам нельзя было понять, то ли они такие от загара, то ли от грязи. Кто-то из бойцов уже угощал их кусками колотого сахара и сухарями.

Один пацанёнок подбежал к председателю и защебетал на таджикском. Курбанов улыбнулся и, одобрительно похлопав мальчишку по плечу, тоже что-то сказал ему, а затем вновь заговорил на русском с Нарожным.

– Товарищ Николай, пусть двое твоих воинов сходят с Асгатом в мой дом и принесут сюда продукты.

– Спасибо, Джасур-ака. – Политрук повернулся к пограничникам. – Так... Золотарёв и Гуломов, сходите с мальчонкой, – выбрал он тех, кто был поближе...

Семёну несколько раз доводилось бывать в гостях у мургабских таджиков, и он имел представление о внутренней обстановке их жилищ. Примерно то же самое он увидел и здесь.

Стены дома были построены из камней, сцементированных между собой глиняным раствором, а плоская крыша сделана из жердей, засыпанных сверху землёй и глиной. В центре крыши имелось отверстие диаметром около метра, через которое из жилища выходил дым, а внутрь попадал солнечный свет. Деревянные створки двух небольших окошек были распахнуты настежь.

На входной двери Семён заметил глиняную пластинку с вдавленным оттиском ладони. Это означало, что хозяин дома принадлежит к исмаилитам – одному из течений ислама. Исмаилиты не строили мечетей, так как почитали Аллаха в своей душе и верили в Ага-хана – воплощение Аллаха в человеке. Исмаилизм требовал от верующих полнейшего фанатизма и запрещал вступать в партию и комсомол, а также работать в государственных учреждениях. Всё это мог разрешить только лично Ага-хан.

Хона, зимняя часть дома, представляла собой квадратное помещение. Прямо под светодымовым отверстием в земляном полу было сделано углубление для древесных углей, которое называлось сандалом. По рассказам давно служивших на Памире, зимой в сандал, прямо на горячие угли, ставился табурет с металлическими ножками, на который ложилось одеяло. Все члены семьи во время отдыха собирались вокруг сандала и засовывали под одеяло ноги, таким образом согревая их. Так же сандал использовался как очаг для приготовления пищи.

Вдоль стен хоны шли глиняные нары, покрытые коврами, на которых обычно сидели старики и дети. Крышу в хоне подпирали пять деревянных столбов, украшенных затейливым резным орнаментом. Семён слышал, что каждый из этих столбов имеет своё название и значение, но всё никак не представлялся случай разузнать об этом подробнее.

В жилище находилась маленькая женщина, которая при виде сына и пограничников тут же заулыбалась. По её лицу трудно было определить возраст – то ли сорок, то ли пятьдесят. Возможно, когда-то это лицо можно было назвать красивым, но теперь от той красоты уже почти ничего не осталось – оно больше выглядело усталым и, может быть, даже измученным жизнью.

– Добрый день, – смущённо поздоровался Семён.

– Салом алейкум, – произнёс Имомали Гуломов, который сам был таджиком, только из равнинных районов.

– Салом, – ответила она и переключила внимание на сына, который стал ей поспешно, обильно жестикуюлируя, объяснять указание отца.

Одета таджичка была в длинное, цветастое платье-рубаху из плотной шерсти, из-под которого выглядывали шаровары. Её голову покрывал высокий белый тюрбан, а ноги были обуты в кожаные сапожки.

В помещении, кроме женщины, находилось ещё трое детей разного возраста. Самой старшей из них была девочка лет десяти-двенадцати, которая что-то толкла деревянной ступкой в глиняной миске. Ещё два мальчугана – лет пяти и четырёх – возились на нарах с какими-то игрушками.

Женщина внимательно выслушала сынишку и молча собрала для пограничников пару больших свёртков с продуктами, а также принесла им бурдюк с кумысом. Она всё делала быстро и сноровисто, как опытная, умелая хозяйка.

Сандал сейчас был накрыт металлической решёткой, на которой стоял котёл. В котле, судя по исходящему из него приятному аромату, варилась атала – похлёбка из тонко нарезанных кусков теста, кусочков мяса и ещё чего-то. Зачастую таджики, за неимением мяса, добавляли в аталу сухие фрукты – курагу, урюк и белый тутовник.

За прошедшие на Памире месяцы Семён уже кое-что узнал о пище местных таджиков. Они питались в основном густыми и жидкими кашами, приготовленными из кусков теста, овощей и бобовых. Также ели овечий сыр, мясо, мучные лепёшки и орзак – кусочки теста, обжаренные в растительном масле. Пили чаще всего кумыс и ширчой – чай с молоком и добавлением сливочного масла. Так же часто в здешних местах встречался тутпист – подобие халвы, изготавливаемое из тутовника, которое заменяло памирцам сахар. Мука же, как правило, изготавливалась из ячменно-гороховой смеси.

В плодородных долинах западного Памира выращивались фрукты и овощи, в том числе и картошка, но она пока не получила здесь массового распространения.

Поблагодарив хозяйку, Семён и Имомали вернулись к караван-сараяу. Вскоре там запылал костёр из собранного возле кишлака терескена¹⁵. В походном казане варился кулеш с бараниной, которой угостил пограничников председатель.

– Товарищ Николай, какие новости о войне? – Старик заметно напрягся, выдавая свои переживания. – А то у нас тут даже радио нет.

– К сожалению, Джасур-ака, пока порадовать нечем. – Нарожный помрачнел. – Прёт немчура... Сейчас фашисты со всей силы штурмуют Киев. Тяжело там... К Москве тоже рвутся... Так что, сам понимаешь...

– Ох, беда-беда. – Старик покачал головой и тяжело вздохнул. – Как думаешь, выстоит СССР? – Он смотрел прямо в глаза политруку.

– Да ты что, Джасур-ака! Ты даже не смей в этом сомневаться! – Нарожный вскочил и нервно заходил туда-сюда вдоль стола. – Выстоит. Это я тебе говорю! Мы ещё по Берлину пройдем, как наши предки. Да, сейчас пока ещё враг очень силен, и нашей Красной армии тяжело. Да, пока она отступает. Пока... Но... – Нарожный сделал ударение. – Наши бойцы

¹⁵ Терескен – кустарник семейства амарантовых.

героически сражаются за каждую пять родной советской земли, и фашисты несут большие потери. А скоро мы погоним эту нечисть обратно, и в этом нет никакого сомнения. Ты меня понял, Джасур-ака?

– Понял, товарищ Николай, конечно, понял. – Старик опустил взгляд. Видимо, у него всё же остались какие-то сомнения.

О начале войны Семён узнал, когда находился в разъезде. Радист группы, выйдя на очередной сеанс связи с комендатурой, побледнел и, закончив запись, растерянно поднял перед собой мятую бумажку с закорючками стенограммы.

– Товарищ командир, война началась, – едва слышно произнёс он.

– Война? – Лейтенант Ларионов, возглавлявший группу, несколько секунд молчал, обдумывая услышанное, затем недоверчиво кивнул на бумажку. – С кем война?

– Как с кем? – Радист растерялся ещё больше. – С немцами.

– У нас же с ними пакт о ненападении. Ты не ошибся?

– Никак нет! – Радист вытянулся чуть ли не по стойке смирно. – Разрешите зачитать?

– Читай, – после паузы разрешил лейтенант.

– Текст такой... – Голос радиста дрожал от волнения. – В 12 часов дня по радио передали выступление товарища Молотова. В нём сказано следующее. Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбёжке со своих самолётов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие. Всё.

Радист опустил бумажку и испуганно смотрел на Ларионова. С минуту все молчали, осмысляя это страшное известие, поверить в реальность которого было трудно. В голове Семёна вихрем пронеслись самые разные мысли.

«Как так?.. Неужели Гитлер рискнул напасть?.. Почему?.. А как же договор?.. Ну ничего, сейчас ему по соплям нададут!.. Получит, сволочь, за своё вероломство!..»

– Если претензий нет, то почему они напали? – спросил кто-то.

– Может, это провокация какая-то? – предположил другой боец.

– Значит так... – Ларионов сурово оглядел пограничников. – Если Молотов сказал, значит, действительно война. Но никакой паники не должно быть, имейте в виду. Я так думаю, что в ближайшее время Красная армия даст такой отпор обнаглевшим фашистам, что те будут драпать до самого Берлина. Всем ясно?

– Так точно! – раздался дружный ответ, и в этом хоре, конечно же, прозвучал твёрдый голос Семёна Золотарёва.

Да, тогда он тоже свято верил в скорый решительный и могучий отпор Красной армии. Но почему-то вместо этого Красная армия покатила назад, уступая врагу всё больше и больше советской земли. Происходило что-то такое, что никак не укладывалось в голове. Ведь в клубе комендатуры периодически крутили фильм «Если завтра война», где было ярко показано, как Красная армия наносит напавшему врагу могучий ответный удар. Так где же этот удар? Где?!

«И на вражьей земле мы врага разгромим

Малой кровью, могучим ударом!»

Такая бравадная песня звучала в том фильме. Только вот на деле всё оказалось иначе. Война затягивалась, приближаясь к сердцу Родины и унося всё больше и больше жизней советских людей. И всем уже было предельно ясно, что лёгкой победы в ближайшее время не предвидится.

Семён ещё в июле написал рапорт с просьбой направить его на фронт, но получил отказ. А Нарожный тогда сказал ему:

– Погоди, Золотарёв, придёт и твоё время умирать за Родину. Не спеши пока, успеешь. Да и здесь мы не штаны протираем. Или, по-твоему, защищать границу зазорно? Ты что, считаешь, что нас тут зря держат?

После этого разговора он больше не заикался о фронте, но всё же надеялся, что его туда когда-нибудь отправят. Ведь война продолжалась, и враг, судя по всему, ещё был силен...

– Ну а как у вас тут дела? – спросил политрук, решив сменить тему разговора.

– Да, хвала аллаху, всё хорошо. Вчера наши вернулись из Хорога, привезли урюк и сушённые крупы. Горох, пшено, просо... Продали несколько ковров и десятков овец.

Аличурские таджики и киргизы занимались в основном скотоводством, а женщины дома ткали ковры и шили одежду. Мясо, колбаса и сыр, а также ткацкая продукция затем сбывались на базарах Хорога, Рушана и других крупных кишлаков Западного Памира, а взамен покупались фрукты и овощи, которые не росли в восточной высокогорной пустыне.

* * *

Спустя примерно час отряд приступил к завтраку. Председатель тоже сидел за столом вместе со всеми, а за едой продолжал разговоры с Червоным. Семён оказался неподалёку от них и, прихлёбывая вкусную, наваристую пшеничную кашу, внимательно слушал.

– Басмачей-то не поймали ещё? – спросил старик.

– Пока нет, Джасур-ака, но, я так думаю, не долго им тут шастать. Скоро с бандой мы покончим.

– Аллах вам в помощь, товарищ Николай, – согласно кивнул председатель. – Мы хотим мира на нашей земле. От басмачей только зло. Ведь Советская власть за то, чтобы все были равны и жили одинаково, а басмачи хотят прежнюю жизнь вернуть, чтобы опять мы на баев горбатились с утра до ночи.

– То-то и оно. – Политрук гневно стукнул кулаком по столу. – Всё никак эти бывшие баи и их прихвостни не поймут, что по-старому уже никогда не будет. – Он отложил в сторону алюминиевую ложку и сурово оглядел бойцов. – Историю вспять не повернёшь. В 1917 году свершилась Великая Октябрьская революция, в результате которой образовалось первое в мире социалистическое государство. За прошедшие годы СССР убедительно доказал всему миру, что социалистический строй является передовым. Самые великие свершения возможны только при социализме, когда люди освобождены от эксплуатации и заняты созидательным трудом на всеобщее благо, в котором видят смысл своей жизни, когда каждый человек чувствует свою ответственность за всю страну и за весь народ. Я считаю, что это есть высшая стадия человеческой сознательности... Конечно, во всех наших свершениях есть и огромная личная заслуга товарища Сталина, который грамотно и мудро руководит страной... Да, сейчас идёт тяжёлая война, и фашистам удалось захватить часть нашей земли. Но всё равно победа будет за нами, и в этом нет никаких сомнений. Мы разгромим врага, а потом поможем всей Европе сбросить ярмо империализма и навсегда распрощаться с властью эксплуататоров. Я уверен, рано или поздно на всей нашей планете будет построено единое государство равенства и справедливости, и это будет прекрасное время...

Он замолчал и продолжил есть.

Семён всегда слушал политрука с благоговением, потому что речь Нарожного звучала необычайно искренне и убедительно. Особенно Семёну нравилось, как политрук говорил о жизни, которая наступит через десятки лет. В свободные от службы минуты Семён и сам частенько предавался мечтам об этом прекрасном будущем. В своих мечтах он видел города с широкими мощёными улицами и высоченными, красивыми домами, населённые счастливыми людьми. Эти люди будут трудиться на огромных фабриках и заводах, покорять Арктику и Антарктиду, создавать новые, невиданные ранее корабли и самолёты. А ещё Семён видел

бескрайние поля, на которых росли пшеница и рожь, и бесконечные колхозные грядки со всевозможными овощами. По этим полям и грядкам двигались могучие трактора с молотилками и комбайны, собирая обильный урожай и пополняя им кладовые страны, чтобы никогда-никогда больше не было голода...

После кулеша стали пить кумыс и чай с тутпистом.

– Смотрю я, Джасур-ака, детей в кишлаке много, – опять заговорил Нарожный.

– Ну да, ну да. – Старик посветлел лицом. – Хвала аллаху.

– Я к тому это говорю, что им ведь учиться надо. – Политрук вперил в председателя пристальный взгляд. – А у нас в Мургабе школа есть, и учителя хорошие. А в Хороге вон и интернат открыли.

Старик засопел и отвёл в сторону глаза.

– Что молчишь, председатель? – продолжал допытываться Нарожный. Его голос при этом стал более строгим. – Или я не прав?

– Прав, командир, прав. – Старик тяжело вздохнул, побряхтел. Было заметно, что эта тема ему не очень приятна.

– Советская власть, Джасур-ака, хочет, чтобы в нашей стране жили образованные люди. Ведь необразованному, тёмному народу легче мозги задурить всякой религиозной чушью. Такой народ проще с пути сбивать и в узде держать. Правильно? То-то же. – Нарожный опять вошёл в раж, сделался возбуждённым. – При царском самодержавии в России миллионы неграмотных были, потому что капиталистам и помещикам это было на руку.

Пограничники молча слушали разговор. Лейтенант Ларионов тоже молчал, лишь время от времени с интересом поглядывая на председателя.

Некоторые задымили самокрутками. Семён не курил, поэтому опёрся спиной на один из деревянных столбов, поддерживающих навес над столом, и разглядывал долину и окружающие её горы.

Ветер немного поутих, и сделалось довольно-таки тепло. Солнечные лучи приятно ласкали лицо. Хотелось, чтобы такая погода продлилась как можно дольше. Но, судя по рассказам старожилов комендатуры, вот-вот в Аличурскую долину должна была прийти суровая памирская зима со свирепыми морозами да буранами. Горные перевалы завалит глубокий снег, и они закроются до самого конца весны. Многие кишлаки и пограничные заставы на несколько месяцев окажутся отрезанными друг от друга и от всей огромной страны...

– Так что скажешь насчёт школы, Джасур-ака? – немного успокоившись, спросил Нарожный.

– Ты же знаешь, командир, что у нас всё не так просто, – поникнув головой, устало произнёс старик. – Нужно решить этот вопрос с Ага-ханом.

– Опять этот ваш Ага-хан! – тут же вспылел политрук. – Сколько можно разводить средневековье? У нас в стране руководит Советская власть! Так или не так?

– Ну, так, так... – мрачняя, закивал председатель. – Но и ты нас пойми...

– Да не хочу я этого понимать... – Нарожный вскочил и опять заходил вдоль стола. – Давно пора покончить с этими пережитками.

– Покончим, командир, обязательно покончим. Ты только не торопи.

– Да как же не торопить? Уже сколько лет вся эта бодяга длится... Ваш Ага-хан давно сидит в Афганистане и носа оттуда не кажет, а вы всё слушаете его. Может, и золото для него опять собираете? А?

Старик отвёл глаза и ничего не ответил.

– Вот то ж... – Политрук покачал головой. – В общем, со школой определяйтесь да не затягивайте. Понятно?

– Понятно.

– Ну и хорошо. – Нарожный неожиданно улыбнулся и протянул председателю руку. – Ну ладно, Джасур-ака, спасибо тебе за радушный приём. Пора нам дальше ехать, а то, не ровён час, басмачи опять просочатся. Что-то совсем они обнаглели в последнее время. Видно, надеются, что Гитлер победит. Только шиш им от Советской власти. Не дождётся.

– И куда вы теперь? – спросил старик, пожимая протянутую руку.

– Двинем в Сасыккуль, а оттуда на перевал. Бойцов на заставе мало. Надо помочь им, а то вдруг банда опять сунется.

– Понятно, – кивнул председатель. – Удачи тебе, командир, – пожелал он, и его слова прозвучали вполне искренне. – Пойду я. Надо местные проблемы решать.

Едва старейшина скрылся за ближайшим жилищем, Нарожный мгновенно посуровел и, взглянув на часы, подозвал Ларионова.

– Смотри сюда, Василий. – Он достал из полевой сумки карту и развернул её. – План у меня такой. Ты берёшь второе отделение и пулемётчика, проходишь через это ущелье и устраиваешь засаду вот здесь... – Политрук водил по карте пальцем. – Понял, да? Я так думаю, что банда попытается пройти как раз где-то тут, мимо озера Зоркуль. Я с первым отделением сделаю крюк по вот этому ущелью и выйду к вам отсюда. Таким образом, мы перекроем им все пути.

– А если они пойдут восточней озера? – выказал сомнение Ларионов.

– Нет, Вася, они пойдут тут. – Нарожный ударил по карте пальцем.

– Откуда такая уверенность, Николай Иванович? – не сдавался взводный.

– Оттуда... – Нарожный усмехнулся. – Считаю это чутьём чекиста.

– Да? – Ларионов сдвинул набекрень шапку и растерянно почесал затылок. – Ну, это, конечно, железный аргумент.

– О! – Политрук указал пальцем вверх и опять усмехнулся. – Значит, понял, да? Твоя задача, в случае чего, продержаться до нашего подхода.

– Да понял, понял... – Взводный кивнул и призадумался. – Сколько будем ждать?

– Я думаю, Вася, эти хлопцы долго мешкать не будут. Раз уж им пару раз повезло, то жди их в гости опять.

– А почему вы председателю соврали? – спросил лейтенант. – Не доверяете?

– Запомни, здесь верить никому нельзя. Даже если Курбанов действительно на нашей стороне, всё равно не стоит ему говорить правду. Мало ли что. Вдруг сболтнёт кому...

Нарожный спрятал карту обратно в сумку и встал.

– Слушай мою команду! – крикнул он зычным голосом. – Окончить приём пищи! Всем проверить снаряжение. Через четверть часа выступаем...

* * *

Однажды на политзанятиях Нарожный рассказал о становлении сначала российской, а потом и советской пограничной стражи на Памире. Семён слушал с огромным интересом, и перед его мысленным взором мелькали яркие картины прошлого...

Памир вошёл в состав России в 1876 году, после разгрома враждебного Кокандского ханства русской армией генерала Скобелева. Но из-за беспечности двух русских царей – Александра II и Александра III – на Памире не были установлены границы с соседними государствами – Бухарским эмиратом, Китаем и Афганистаном. В итоге в 1883 году сюда вторглись войска афганского эмира, проявляя чудовищную жестокость к мирному населению. Местных жителей афганцы грабили, убивали и насиловали. Около тысячи памирских девушек оказались в гаремах Кабула, а сотни их были отданы афганским солдатам.

Несчастные памирцы опять обратились за помощью к русскому царю, и в 1891 году начались «Памирские походы» русского военного отряда под командованием полковника Михаила

Ефимовича Ионова. За год из Бадахшана были вытеснены афганские войска и появившиеся здесь пограничные китайские посты.

А в 1892 году в местечке «урочище Шаджан», что находится на правом берегу реки Мургаб, в юртах был размещён первый пограничный отряд России на Памире. Он был назван Шаджанским. Командовал этим отрядом капитан Поликарп Алексеевич Кузнецов.

В 1893 году там, где река Акбайтал впадает в Мургаб, возле кишлака Кони-Курган, было воздвигнуто российское военное укрепление – «Пост Памирский». Разместился в нём отряд капитана Василия Николаевича Зайцева. Позже был создан Памирский отряд со штабом в кишлаке Хорог, и появились новые посты: Ишкашимский, Рушанский, Лянгарский и Шугнанский. А Памирский пост перенесли на новое место. В 1903 году были торжественно открыты новые казармы Памирского поста – просторные здания из кирпича, имевшие железные крыши.

Естественно, местные жители стали селиться вокруг русского укрепления, где было безопасно. Так и возник посёлок Мургаб. В сущности, его основателями стали начальник Памирского отряда Андрей Евгеньевич Снесарев и инженер-полковник Николай Никитич Моисеев, проектировавший все сооружения.

Российские пограничные посты служили надёжной защитой для памирских таджиков и киргизов. Кроме того, на Памире стало развиваться сельское хозяйство, так как русские привезли с собой и начали выращивать здесь новые для этих мест культуры: картофель, капусту, редьку, лук, репу. Поэтому жизнь памирцев понемногу улучшалась.

Во время Первой мировой войны начальник Памирского отряда открыл небольшие промышленные предприятия, на которых трудилось местное население. Пограничники проложили новые караванные пути, связавшие Памир с Ферганской областью, и дороги, соединившие между собой долины и кишлаки.

Параллельно развивалась и культурная жизнь памирцев. Так, в Хороге открылась русско-туземная школа, где таджики и киргизы изучали русский язык...

После образования СССР закреплению советской власти на Памире долгие годы мешали банды басмачей, которые поддерживались империалистическими державами. Местные феодалы и мусульманское духовенство ненавидели большевиков и стремились вернуть этот регион под своё влияние. Только после окончательного разгрома банд Ибрагим-бека в 1931 году на Памире стало относительно спокойно.

А 26-я отдельная Мургабская пограничная комендатура была сформирована в составе Среднеазиатского пограничного округа приказом НКВД СССР № 0041053 от 7 сентября 1939 года. В подчинение комендатуре были переданы 6 пограничных застав: «Музкол», «Кызыл-Рабат», «Тохтамыш», «Сасык-Куль», «Кара-Куль» и «Ранг-Куль». Общая протяжённость мургабского участка границы составила 707 километров. Всё это Семён знал наизусть и мог рассказать, даже если бы его неожиданно разбудили посреди ночи и спросили...

* * *

В этот раз не повезло – молоденьких таджичек в кишлаке так и не увидели. Возможно, их не выпускали из дому суровые мамыши, а может, сами не хотели показываться на глаза орлам-пограничникам. Так или иначе, но Семён был крепко раздосадован. Ещё бы...

Отряд перешёл по деревянному мосту через реку и разделился. Первое отделение во главе с политруком пошло на восток, вверх по Аличуру, а второе, возглавляемое Ларионовым, направилось к Южно-Аличурскому хребту. Там, среди нагромождений пятикилометровых вершин, протянувшихся вдоль границы на полторы сотни километров, находились удобные для прохода ущелья, через которые из соседнего Афганистана на советскую территорию время от времени просачивались караваны контрабандистов и вооружённые банды.

Отряд двигался как раз по одному из этих ущелий. Западнее располагалась застава Сасыккуль, перекрывавшая участок Памирского тракта и перевал Тагаркаты. Там банды пройти не могли, а вот восточнее имелись не перекрытые участки...

За Южно-Аличурским хребтом нёс свои холодные, хрустальные воды бурный и своенравный

Памир. Вытекая из озера Зоркуль на запад, через 118 километров он сливался с Вахандарьёй, образуя реку Пяндж, которая затем соединялась с великой среднеазиатской рекой Амударьёй, впадающей в Аральское море.

Семён страстно желал проехать верхом все эти места, чтобы увидеть своими глазами и Пяндж, и Амударью, и сам Арал. Чем дольше он пребывал на Памире, тем сильнее ощущал что-то похожее на влюблённость в этот край. Но всё же он не хотел бы остаться здесь навсегда – тоска по родной курской земле в его душе преобладала над очарованием Памира.

Ущелье постепенно сужалось, а потом и вовсе превратилось в самый настоящий каменный коридор, по дну которого текла бойкая речушка. Проехать дальше можно было только по скотопроегонной тропе, идущей вдоль правого берега. Такими тропами часто пользовались скотокрады и контрабандисты.

Вскоре берег слился со склоном ущелья в непроходимую отвесную стену. И всё же тропа продолжилась – только теперь в виде овринга. Семёну уже доводилось ходить по такой искусственной конструкции, представлявшей собой прикрепленный к скале узкий мостик, сооружённый из жердей, брёвен и ветвей, засыпанных сверху плоскими камнями и землёй. Овринг казался хрупким и ненадёжным, но на деле был вполне прочным и мог выдерживать даже всадника. В некоторых районах Памира такие искусственные тропы были единственными дорогами, соединяющими горные кишлаки между собой. Естественно, контрабандисты и бандиты тоже пользовались этими путями.

– Спешиваемся и идём с предельной осторожностью, – подал команду Ларионов и, спрыгнув с коня, первым уверенно ступил на овринг, показывая пример подчинённым.

Семён тоже спрыгнул с седла и проверил, надёжно ли привязаны грузы.

– Ну что, Зубрёнок, придётся идти. – Он погладил коня по шее. – Ты, главное, не бойся и доверься мне. Всё будет хорошо.

Семён любил разговаривать с Зубром, и хотя тот, конечно, не отвечал, но, казалось, прислушивается к человеческой речи и, вроде бы, даже что-то понимает.

После взводного на овринг ступил со своей рыжей Кометой Степан Мухин, на груди которого висел пулемёт Дегтярёва ДП-27¹⁶. Следующим пошёл киргиз Бакыт Джунабаев, ведя под узду каурого Камыша, а за ним – остальные. Семён оказался примерно в середине этой живой цепочки, а замыкал её Григорий Шевчук, вооружённый ППД¹⁷ с барабанным магазином на 71 патрон.

Перед самым оврингом конь сначала заупрямился, замотал головой и зафыркал, косясь на хозяина карим глазом, но затем-таки доверился человеку и шагнул вслед за ним на рукотворную тропу.

– Ну, ну, Зубрёнок, не волнуйся, пойдём, – успокаивал коня Семён, продвигаясь вперёд осторожным шагом.

Он старался не смотреть вниз, туда, где метрах в двадцати бурлила речная стремнина, и держался как можно ближе к скале, чтобы не потерять равновесие. Первые десятки шагов дались с трудом, но потом появилась уверенность в себе, и дело пошло веселее. Казалось невероятным то, что эта искусственная тропа так прочно удерживается на скале и позволяет спокойно идти по ней.

¹⁶ ДП – 27 – (Дегтярёва пехотный) – ручной пулемёт Дегтярёва образца 1927 года.

¹⁷ ППД – пистолет-пулемёт Дегтярёва. В данном случае – образца 1940 года.

Семён вспомнил, как однажды в клубе комендатуры выступал с лекцией какой-то профессор из Сталинабада, который в том числе рассказывал о Памире и памирцах.

– А теперь, товарищи пограничники, я хочу несколько слов уделить оврингам. – Говорил профессор увлечённо, подкрепляя свою речь жестиками руками. – Вы наверняка имеете о них представление... Так вот... Овринги – это удивительное и очень древнее изобретение человеческого разума. Есть предположение, что их строили уже несколько тысячелетий назад. Да-с... Встречаются овринги в основном на Памире и Тянь-Шане, и некоторые из них сооружены весьма искусно в инженерно-техническом плане, имея порой протяжённость в несколько километров. Издревле овринги строили целыми кишлагами под руководством опытных усто¹⁸, потому что возведение оврингов, товарищи, – это настоящее искусство. А строятся они так... Сперва в скальные трещины вбиваются колья из крепких пород дерева, например, из арчи...¹⁹ Далее эти своеобразные костыли соединяются между собой ветками и верёвками. Затем сверху укладываются и связываются жерди и брёвна или корзины с песком. И уже на всё это помещаются плоские камни или хворост с дёрном. Таким образом получается лёгкое, но достаточно прочное сооружение. Да-с...

Профессор снял очки, протёр их платочком и вновь надел.

– Иногда овринги представляют собой сложные сооружения с несколькими уровнями в виде лестниц, чтобы можно было спускаться или подыматься. Для такой лестницы может применяться бревно с коротко обрубленными ветвями или с насечками, которые служат ступенями для ног путника. Бревно это закрепляется на скале под необходимым углом... Да-с... Также на оврингах могут устраиваться площадки для отдыха и даже ночлега. Там один путник спокойно дожидается, когда идущий навстречу освободит путь. Вообще же, чтобы разминуться на овринге, один из путников обычно ложится, а другой осторожно переступает через него. Вот так-то, товарищи... – Профессор почесал бородку. – Овринги всё время поддерживаются в рабочем состоянии и, если надо, ремонтируются. Кстати, я несколько раз имел честь наблюдать подобные работы и, скажу вам, зрелище это весьма впечатляет... Конечно, идти по искусственной тропе довольно-таки опасно. Можно легко сорваться от порыва ветра или при неосторожном движении, при обвале или камнепаде. Недаром есть древняя таджикская поговорка: «Путник на овринге, как слеза на реснице». Да-с... По сути, овринг является культурным феноменом, присущим народам

Средней Азии, которые вполне могут им гордиться... Вот так-то, товарищи... Мы должны знать и уважать культуру народов нашей советской страны. Только так мы сможем дружно жить и строить коммунизм. Только так мы будем непобедимы, и империалисты ничего не смогут с нами сделать...

Впереди, метрах в пятидесяти, виднелся конец подвесной дороги. Ларионов уже стоял на обычной тропе, дожидаясь остальных.

Неожиданно за спиной Семёна что-то зашуршало. Обернувшись, он увидел Алексея Скворцова, который висел над пропастью, держась руками за крайнюю жердь овринга и пытаясь найти ногами опору на скале. Лицо пограничника было бледным, а в глазах застыл ужас. Если бы он полетел вниз, то мог бы запросто разбиться о торчащие из воды острые как кинжалы каменные выступы или утонуть в стремительном горном потоке.

– Лёха, я сейчас! – Семён погладил коня и отпустил узду. – Зубрёнок, стой-ка смирно. – Он осторожно, придерживаясь за сбрую, прошёл по самому краю подвесной тропы и подошёл к лошади Скворцова – вороной кобыле по имени Баклуша. К счастью, та не раз бывала в заварахах и потому вела себя спокойно.

¹⁸ Усто (тадж.) – мастер, умелец, знаток.

¹⁹ Арча – горный можжевельник. Его ветви хорошо подходят для плетения.

– Баклушечка, тихо, не волнуйся. – Погладив лошадь, он присел и схватил Скворцова за левую руку. – Ну-ка! Давай! – Покрепче упёршись ногами, Семён резко потянул двумя руками Алексея вверх, потом перехватился правой рукой за прочный ворот его куртки и выволок товарища на овринг.

Отдышавшись, Скворцов выбрался из-под лошади и, покраснев, виновато улыбнулся.

– Спасибо, Сеня. Я уж думал, хана мне. Оступился, блин. Ногу неудачно поставил.

– Ничего, бывает. – Семён хлопнул его по плечу и подмигнул. – Поживёшь ещё.

Он вернулся к своему коню, который беспокойно оглядывался на хозяина, и повёл его дальше. Через пару минут они ступили на твёрдую поверхность.

Алексей Скворцов был одногодком Семёна. До призыва в армию он жил в Воронеже, где окончил десятилетку. Выросший в городе, в семье интеллигентов, он был слишком домашним и мягким, и здесь все называли его «интеллигентским хлюпиком». Конечно, служба давалась ему трудней, чем деревенским парням вроде Семёна. Вообще сначала казалось странным, как Скворцов попал служить на границу, да ещё в такой непростой регион. Но однажды в разговоре он признался, что сам попросился в пограничные войска, потому что считал их самыми романтичными. Его родной дядька служит в военкомате и помог ему в этом деле.

А когда Семён узнал Скворцова получше, то даже проникся к нему симпатией. С Алексеем было интересно общаться – он много чего знал и охотно делился знаниями с другими, при этом никогда не хвастался и не насмеялся над теми товарищами, кто был малообразован. Кроме того, притягивали его искренность и добродушие.

– Молодец, – похвалил Ларионов. – Взаимовыручка для нас, пограничников, – это самое важное. Как говорится, сам погибай, а товарища выручай.

– Так точно, товарищ командир! – браво гаркнул Семён и облегчённо вздохнул.

Теперь можно было расслабиться...

* * *

– Красота-то какая, – произнёс Скворцов, разглядывая в бинокль распростёршуюся внизу огромную долину где сверкала в лучах солнца поверхность озера Зоркуль.

Оптический прибор был один, и Ларионов отдал приказ наблюдать всем по очереди. Сейчас настал черёд Алексея.

Ещё вечером отряд устроил здесь засаду, перекрыв северо-западный выход из долины. Лошадей отвели подальше и спрятали во впадине, чтобы они не были видны со стороны и чтобы их не почуяли кони басмачей, ведь запахи в горах ветер разносит далеко, особенно в ущельях. Затем оборудовали себе позиции, сложив из разбросанных всюду камней небольшие брустверы, за которыми можно было вести стрельбу лёжа и прятаться от пуль. Для удобства ведения стрельбы в брустверах сделали выемки. Золотарёв и Скворцов, не сговариваясь, расположились по соседству.

Семён лежал за своим бруствером головой на вещмешке, глядя на плывущие по небу облака. Вокруг было тихо. Солнце висело над горами, но из-за густых облаков светило тускло и совсем не грело. Стоял обычный сентябрьский памирский день, холодный и сырой – примерно градусов пять-шесть выше нуля. Семён слышал, что в середине сентября здесь бывает и до минус десяти. А в октябре уже может наступить настоящая зима – с обильными снегопадами, сильными морозами и буранами. Природа Памира сурова и старается не баловать человека...

Семёну ещё не доводилось бывать в этих местах, и теперь он мог воочию любоваться ими. Да, недаром многие говорили, что Зоркуль – одно из самых красивых на Памире озёр. Вытянувшись с запада на восток на целых двадцать пять километров между Южно-Аличурским и Ваханским хребтами, оно потрясло окрестными видами.

Вдали виднелись юрты киргизов и пасущиеся на горных склонах отары овец. Там же бродили яки, поедая пожухлую осеннюю траву. На Памире Семён впервые в жизни увидел необычных косматых животных с таким смешным названием. Он узнал, что яки, или, как их ещё здесь называли, кутасы, не боятся самых лютых морозов и любят купаться в ледяной воде. Эти мирные и выносливые животные были просто незаменимы в горах, особенно на высоте более четырёх километров. А из жирного и питательного молока яков памирцы делали вкусный сыр курут, который они обычно скатывали в небольшие шарики. Да и мясо яков широко использовалось в пищу...

Позади озера вздыбливались заснеженные горные громады, которые находились уже на афганской земле.

Афганистан... Это слово для Семёна было наполнено чем-то таинственным и древним. На политзанятиях Нарожный как-то рассказывал об этой соседней стране и о населяющих её свободолобивых племенах.

А где-то ещё южнее находились Пакистан и сказочная тропическая страна Индия, в которой обитали тигры, слоны, загадочные йоги, факиры и заклинатели змей.

– Лёха, ты случаем в Индии не бывал? – шутливо спросил Семён, выглянув из-за камней.

– Нет, не был, – вполне серьёзно ответил Скворцов. – И вообще я за границей не был.

– А хотел бы?

Алексей опустил бинокль и посмотрел на Золотарёва настороженно.

– А что?

– Да нет, ничего. – Семён понял, что смутил этим вопросом товарища. – Просто так спрашиваю. Я бы, например, в Индию махнул. А ты куда?

– Я? – Скворцов призадумался и пожал плечами. – Не знаю. В Австралию, наверное. Или в Южную Америку.

– Почему туда?

– Ну... Я когда «Дети капитана Гранта» прочёл, то захотел побывать и в Австралии, и в Южной Америке. Там здорово. Горы, леса непроходимые. Романтика, одним словом.

– Хм... понятно. А что за дети капитана... как ты его назвал?

– Гранта. – Алексей усмехнулся. – Книга такая есть. Приключенческая. Жюль Верн написал. Интересная очень.

– А кто этот Жюль Верн?

– Писатель такой был французский. Умер уже. Здорово писал, особенно научную фантастику. Мне больше всего понравились его романы о капитане Немо. Называются «Двадцать тысяч лье под водой» и «Таинственный остров». Там описывается небывалая электрическая подводная лодка «Наутилус». Немо на ней обогнул весь земной шар, а сам он был индийским принцем и на свои деньги построил эту подлодку.

– Принцем, говоришь? – Семён нахмурился. Ему стало неприятно, что Скворцов так восхищается классовым врагом. – Буржуй, значит.

– Да он хоть и был принцем, но сражался против английских колонизаторов за свободу Индии и поддерживал восстание индийских сипаев. – Скворцов заметно разволновался, его щёки запылали. – А потом Немо вообще порвал с обществом и поселился на острове посреди океана. Это был гениальный учёный и романтик, мечтавший о справедливом мире. А ты говоришь – буржуй... Я когда эти книги прочитал, какое-то время мечтал стать путешественником. Открывать новые земли, видеть разные красивые места и дикие племена... А теперь вот думаю, что стану учителем географии. Конечно, после того как фашистов победим...

– Понятно... – Семён почувствовал неловкость оттого что он не читал Жюль Верна и не знает про капитана Немо. В селе он, конечно, иной раз заходил в избу-читальню, но брал там почитать в основном труды Ленина и Сталина, а также книги Аркадия Гайдара и Валентина Катаева. – А в нашей библиотеке Жюль Верн есть?

– Не знаю, посмотри.

– Скворцов, веди наблюдение! – строго прикрикнул Ларионов, который, сидя на камне, что-то быстро писал карандашом в блокноте. – А то наряд получишь.

– Виноват, товарищ командир! – Алексей вновь приткнулся к окулярам бинокля.

Семён решил, что обязательно найдёт и прочтёт книги о капитане со странным именем Немо. Закрыв глаза, он попытался представить этого человека, отрешённого от жизни в достатке и роскоши ради высших идей. Тут, конечно, нужен был несгибаемый характер...

Семён сам не заметил, как придремал. Он увидел себя шестилетним пацанёнком, помогающим деду заготавливать на зиму дрова. Дед Фёдор рубил чурбаны большим, тяжёлым колуном, хрипло «кхэкая» при каждом ударе, а он, Сенька, подбирал на земле отлетевшие поленья и складывал их в штабель у стены сарая.

На крыльцо избы вышла мать и некоторое время наблюдала за тружениками.

– Сёмушка, иди молочка попей, – ласково позвала она. – Тёпленькое ешо. Парное, как ты любишь.

– Некогда мне, – отмахнулся он с важным видом, хотя, конечно, молока ему сейчас очень хотелось. Но надо было показать матери и деду, что он уже взрослый. – Не видишь, что ли, мы работаем.

– Иди-иди, работничек. – Дед Фёдор усмехнулся и потрепал внука по русым лохмам. – Слухай мамку. От молока силы прибывают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.